40
P. o. russ.
11
c

4° P.o.russ. M c

<36620653990016

<36620653990016

Bayer. Staatsbibliothek

ИГОРЬ КНЯЗЬ СѢВЕРСКІЙ

22195/1264

ИГОРЬ

КНЯЗЬ СѢВЕРСКІЙ

ПОЭМА

ПЕРЕВОДЪ

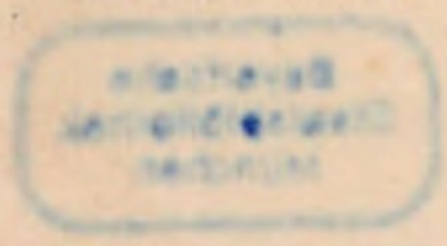
НИКОЛАЯ ГЕРБЕЛЯ

О Боже, соловію стараго времени!

С. ПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ

1854



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 21 сентября 1853 г.

Цензоръ *Ю. Шидловскій*.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ПОСВЯЩАЕТСЯ

АЛЕКСАНДРУ ФОМИЧУ

ВЕЛЬТМАНУ.

Zichy 1853
Imp. Lith. de Munsted

ПРЕДИСЛОВІЕ.

—

ожно сказать утвердительно, что ни одно произведеніе древней русской поэзіи, пощаженное временемъ, не возбуждало такого постояннаго вниманія нашихъ ученыхъ, и не подало повода къ такому множеству противорѣчащихъ другъ другу сужденій, какъ «Слово о полку Игоря». И не мудрено! Этотъ самобытный и единственный, дошедшій до насъ, письменный памятникъ, свидѣтельствующій о существованіи и развитіи древнерусской эпической поэзіи, отличается тою смѣлостью очерковъ и яркостью красокъ, которыя съ перваго взгляда обличаютъ необыкновеннаго художника.

Будучи открыто въ 1795 году графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ въ одномъ старинномъ Сборникѣ (причемъ первое извѣстіе объ этомъ открытіи было сообщено свѣту въ «Spectateur du Nord», за 1797 годъ, и издано имъ въ 1800 году въ Москвѣ), «Слово о полку Игоря» не переставало, съ того времени, занимать умы нашихъ фило-

логовъ и критиковъ. Плодами этихъ изъисканій были, съ одной стороны, значительное число изданій, переводовъ и стихотворныхъ переложеній «Слова», съ другой— множество статей критическаго и полемическаго содержанія. Что касается до переводовъ «Слова о полку Игоря», то, со включеніемъ перваго, которымъ мы обязаны графу Мусину-Пушкину, у насъ, въ продолженіи полувѣка, вышло въ свѣтъ пятнадцать отдѣльныхъ изданій (изъ нихъ семь прозаическихъ, а восемь стихотворныхъ), надъ которыми трудилось шестнадцать ученыхъ и литераторовъ.

Вотъ любопытный списокъ этихъ пятнадцати переводовъ, изъ которыхъ многіе, въ настоящее время, весьма рѣдки:

ПРОЗАИЧЕСКІЕ:

1) Ироическая пѣснь о походѣ на половцевъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія, съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе. Москва. 1800. (Изданіе графа Мусина-Пушкина, въ которомъ принимали участіе А. Ѳ. Малиновскій и Н. Н. Бантышъ-Каменскій.)

2) Слово о походѣ Игоря, сына Святославова, внука Ольгова. Переводъ А. Шишкова. Спб. 1805. (Сочиненія и переводы, издаваемые Россійскою Академіею, ч. I.)

3) Слово о полку Игоря Святославича, удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго, вновь переложенное Яковомъ Пожарскимъ, съ присовокупленіемъ примѣчаній. Спб. 1819.

4) Слово о полку Игоревомъ, историческая поэма, писанная въ началѣ XIII вѣка на славенскомъ языкѣ прозою, съ присовокупленіемъ буквальнаго переложенія, съ историческими и критическими примѣчаніями, критическимъ же разсужденіемъ и родословною. Переводъ Николая Грамматина. Москва. 1823.

5) Пѣснь ополченію Игоря Святославича, князя Новгородъ-Сѣверскаго. Переведена съ древняго русскаго языка Александромъ Вельтманомъ. Москва. 1833.

6) Пѣснь о полку Игоревѣ, сложенная въ концѣ XII вѣка на древнемъ русскомъ языкѣ. Издана съ переводомъ на нынѣшній русскій языкъ профессоромъ русской словесности Михаиломъ Максимовичемъ, для своихъ слушателей. Кіевъ. 1837.

7) Слово о пълку Игоревѣ Святъславля пѣстворца стараго времени, объясненное по древнимъ письменнымъ памятникамъ магистромъ Дмитріемъ Дубенскимъ Москва. 1844. (Русскія достопамятности, ч. III.)

СТИХОТВОРНЫЕ:

8) Походъ Игоря противу половцевъ. Спб. 1803. (Переводъ Сѣрякова.)

9) Игорь, героическая пѣснь. Съ древней славенской пѣсни, писанной въ XII вѣкѣ, преложилъ стихами Александръ Палицынъ. Харьковъ. 1807.

10) Слово о полку Игоря. Спб. 1812. (Переводъ Язвицкаго.)

11) Ироическая пѣснь о походѣ Игоря на половцевъ, писанная на славянскомъ языкѣ въ XII столѣтіи, нынѣ

переложенная въ стихи старинной русской мѣры Иваномъ Левитскимъ. Спб. 1813.

12) Пѣснь воинству Игореву, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія, и съ онаго переведенная на употребляемое нынѣ велико-россійское нарѣчіе стихами стариннаго же русскаго размѣра, съ краткими историческими и критическими замѣчаніями. Спб. 1821. (Переводъ Николая Грамматина.)

13) Пѣснь объ ополченіи Игоря, сына Святославова, внука Олегова. Переложеніе Михаила Де ла Рю. Одесса. 1839.

14) Слово о полку Игоря. Перевелъ Д. Минаевъ. Спб. 1846.

15) Слово о полку Игоревѣ, сына Святъславля, внука Ольгова. Переводъ Л. Мея. Москва. 1850. (Москвитянинъ на 1850 годъ, № 22.)

А вотъ и образчики каждаго изъ этихъ переводовъ, за исключеніемъ одного—сдѣланнаго г. Язвицкимъ, котораго я нигдѣ не могъ отъискать. Эти отрывки могутъ дать нѣкоторое понятіе о манерѣ и складѣ рѣчи, которыхъ придерживались гг. переводчики въ своихъ прозаическихъ и стихотворныхъ переложеніяхъ «Слова».

Переводъ Мусина-Пушкина:

Пріятно намъ, братцы, начать древнимъ слогомъ прискорбную повѣсть о походѣ Игоря, сына Святославова! Начать же сію пѣснь по бытіямъ того времени, а не по вымысламъ бояновымъ. Ибо когда мудрый Боянъ хотѣлъ прославить кого, то носился мыслію по деревьямъ, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками.

Переводъ Шишкова:

Возвѣстимъ, братіе, о походѣ Игоря, князя Игоря Святославича, тѣмъ слогомъ, какимъ въ древнія времена многотрудныя повѣствовалися подвиги. Начнемъ пѣснь сію по бытіямъ того времени, а не по замысламъ бояновымъ. Когда Боянъ велерѣчивый кого воспѣть хотѣлъ, растекался мыслію по древамъ, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаки.

Переводъ Пожарскаго:

Не лучше ли намъ, братцы, начать старымъ слогомъ трудную повѣсть о полку Игоря Святославича? Начать же оную по бытіямъ сего времени, а не по замыслу боянову. Ибо вѣщій Боянъ, когда хотѣлъ кому пѣснь творить, то носился мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками.

Переводъ Грамматина:

Не пристойно ли бы намъ было, братья, воспѣть древнимъ языкомъ трудную повѣсть о войскѣ игоревомъ, Игоря Святославича? Воспѣтой же быть той пѣснѣ по былямъ сего времени, а не по вымыслу боянову; Боянъ мудрой когда кому хотѣлъ пѣсню творить, то носился мыслью по дереву, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками.

Переводъ Вельтмана:

Не славно ли, други, воспѣть древнимъ ладомъ высокихъ сказаній о подвигахъ Игоря — Игорь-Святъславича?

Былое воспѣть, а не вымыслъ Бояна, котораго мысли текли въ вышину, такъ какъ соки по древу;

Какъ сѣрые волки неслись по пространству, и сизымъ орломъ въ поднебесьи парили.

Переводъ Максимовича:

Не славно ли было-бъ намъ, братья, начать старыми словами скорбныхъ повѣстей пѣснь ополченію Игоря, Игоря Святославича!

А начаться той пѣсни по былинамъ сего времени, хоть не по боянову замышленію.

Боянъ вѣщій, если кому хотѣлъ пѣснь творить, то растекался мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, сизымъ орломъ по поднебесью.

Переводъ Дубенскаго:

Не лучше ль намъ было, братцы, начать прежнимъ складомъ важныхъ повѣстей пѣснь о походѣ игоревомъ, Игоря Святославича; и начаться этой пѣсни по событіямъ нашего времени, а не въ духѣ бояновомъ? Ибо вѣщій Боянъ, когда кого хотѣлъ воспѣть, то носился мыслію по лѣсамъ, сѣрымъ волкомъ по полю, сизымъ орломъ подъ облаками.

Переводъ Сѣрякова:

Коль пріятно слогомъ древности
Повѣсть намъ начать прискорбную
О походѣ князя Игоря!
Пѣснь начать же гласомъ истины
По былинамъ того времени,
А не вымысломъ бояновымъ;
Онъ кого хотѣлъ прославити,
По древамъ носился мыслію,

Сѣрымъ волкомъ по землѣ бѣжалъ,
Въ облакахъ сизымъ орломъ летѣлъ.

Переводъ Палицына:

Любовь къ отечеству зоветъ, о Россы! насъ
Воспѣть брань Игоря на древній предковъ гласъ,
Какимъ ихъ подвиги вѣщались знамениты:
Да будутъ бытія и нашихъ лѣтъ открыты.
Но не дерзнемъ витійствъ бояновыхъ искать.
Когда Боянъ кого стремился воспѣвать,
Онъ мыслью по древамъ въ восторгѣ растекался,
То сизымъ онъ орломъ подъ облаки взвивался,
То сѣрымъ волкомъ онъ носился по полямъ.

Переводъ Левитскаго:

Намъ пріятно, братцы, пѣснь воспѣть
Древнимъ слогомъ — слогомъ жалобнымъ
О походѣ славна Игоря,
Не веселую — печальную!
Мы начнемъ ее, какъ слышали,
По былинамъ того времени,
Не по замысламъ бояновымъ.
Намъ извѣстно, что Боянъ пѣвецъ,
Прославлять когда хотѣлъ кого,
То носился всюду мыслію:
По деревьямъ легкой птицею,
Черезъ холмы будто сѣрый волкъ,
Какъ орелъ сизый подъ облаки.

Переводъ Грамматина:

Не воспѣть ли, милы братіе, любезные,
Мѣрой древней, заунывной, не воспѣть ли намъ

О походѣ на половцовъ князя Игоря,
О походѣ неудачномъ Святославича?
Повѣсть жалости достойная и вѣчныхъ слезъ!
А начнемъ мы по былинамъ сего времени,
Не по замыслу начнемъ ее боянову.
Вѣщій бардъ, онъ пѣть когда хотѣлъ чьи подвиги,
Онъ по древу растекался смѣлой мыслію,
Онъ голоднымъ, сѣрымъ волкомъ рыскалъ по́ земли,
Зоркимъ, сизымъ онъ орломъ парилъ подъ облаки.

Переводъ Де ла Рю:

Или начать намъ, друзья, старымъ складомъ сказаній воинскихъ
Пѣснь о походѣ олегова внука, Игоря князя?
Пѣснь же ту намъ начать по событіямъ дней настоящихъ,
Но не по замысламъ вѣщимъ Бояна. Боянъ, замышляя
Витязя славу воспѣть, соловьемъ растекался по древу,
Сѣрымъ волкомъ въ поляхъ, сизокрылымъ орломъ въ поднебесьи.

Переводъ Минаева:

Начнемъ, други, складомъ старинныхъ людей,
Разсказъ про святыя былины:
Какъ Игорь костьми положилъ средь степей
Свои удалыя дружины.
У правды народной одна сторона,
У вымысла гранямъ нѣтъ счета:
Такъ рѣчь у Бояна восторговъ полна,
Ярка у нея позолота!
Онъ звучную-ль пѣсню кому запоетъ,
Раскинется въ вѣтви мысля́ми,
Онъ волкомъ по черной землѣ протечетъ,
Орломъ пролетитъ подъ звѣздами!

Переводъ Мея:

Аль затягивать, ребята, на старинный ладъ
Пѣсню слезную о пóлку князя Игоря,
Князя Игоря Святславича!
А и пѣсню намъ затягивать
Про недавнюю былинушку,
Не по замыслу боянову.
Коли вѣщему Бояну прилучалося
Про кого нибудь пѣсню складывать,
Растекался мыслію онъ пó лѣсу,
Мчался сѣрымъ волкомъ пó полю
И сизымъ орломъ подъ облакомъ.

Кстати помѣщаю здѣсь переводъ того же отрывка въ «Опытѣ преложенія пѣсни о походѣ Игоря» (пѣснь первая и начало второй, до словъ: *о Бояне, соловію стараго времени*), помѣщеннаго въ IV части Галатеи (стр. 131), безъ означенія имени переводчика. Вотъ онъ:

Пріятно, о други, вамъ будетъ услышать
Прискорбную повѣсть о Игорѣ князѣ.
Начнемъ не по вымысламъ хитрымъ Бояна,
Начнемъ по преданіямъ дней пролетѣвшихъ.
Когда величавый Боянъ полководцевъ
И витязей славилъ гремящею пѣснью,
Онъ мыслью леталъ по деревьямъ высокимъ,
И сѣрымъ онъ волкомъ носился по дóламъ,
И сизымъ орломъ разстилался по небу!

Кромѣ того, мы имѣемъ еще три стихотворные пе-

ревода десятой пѣсни «Слова» (Плачь Ярославны), сдѣланные Козловымъ (*), Миллеромъ (**) и Бергомъ (***).

При всемъ уваженіи къ именамъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ ученыхъ и литераторовъ, трудившихся надъ переложеніемъ «Слова», должно сказать, что большая часть прозаическихъ его переводовъ замѣчательна преимущественно въ ученомъ, нежели въ литературномъ, отношеніи; потому что въ нихъ, какъ кажется, болѣе дорожили примѣчаніями и критическими изслѣдованіями, чѣмъ самыми переводами. Счастливымъ исключеніемъ изъ нихъ можно назвать переводъ г. Вельтмана, сдѣланный мѣрною, гармоническою прозою, далеко оставляющею за собою не только прозаическія, но и многія стихотворныя переложенія «Слова», изъ которыхъ лучшія принадлежатъ гг. Де ла Рю, переложившему поэму въ довольно-звучные гекзаметры, и Мею, избравшему для своего перевода размѣръ народныхъ русскихъ пѣсень. Что же касается до переводовъ гг. Палицына, Левитскаго и Минаева, изъ которыхъ послѣдній отличается необыкновенно-звучнымъ стихомъ, то ихъ, собственно, нельзя причислить къ переводамъ, потому что гг. перелагатели нисколько не заботились о томъ, чтобы остаться вѣрными подлиннику, и гораздо болѣе передѣлывали, нежели переводили, и даже дополняли повѣствованіе сочинителя «Слова» своими собственными вставками; въ чемъ сознается самъ г. Минаевъ, въ примѣчаніяхъ къ изданному имъ переводу, говоря, что онъ «объяснялъ тем-

---

(*) Собраніе стихотвореній Ивана Козлова, изд. III, ч. II, стр. 31.
(**) Стихотворенія Ѳ. Миллера, стр. 245.
(***) Москвитянинъ, 1846 г., ч. I, кн. II, стр. 32.

ныя мѣста подлинника прямо стихами, развивая сжатыя мысли въ картины» (*).

Чтобы дать нѣкоторое понятіе объ этомъ оригинальномъ способѣ *развивать сжатыя мысли* подлинника *въ картины* собственнаго изобрѣтенія, приведу здѣсь, для сличенія, нѣсколько небольшихъ отрывковъ лучшаго подстрочнаго перевода «Слова», сдѣланнаго г. Дубенскимъ, и соотвѣтствующія имъ стихотворныя фантазіи гг. перелагателей:

Переводъ Дубенскаго:

Рано въ пятницу они смяли поганые полки половецкіе; и, разсыпавшись стрѣлами по побоищу, помчали пригожихъ дѣвокъ половецкихъ, а съ ними золото, парчи и дорогіе аксамениты. Юртами, епанчами и кожухами, и всякими нарядами половецкими стали гатить болота и топи. Красное знамя, бѣлая хоругвь, багряная чолка, серебрянное древко—храброму (Игорю) Святославичу.

Переводъ Палицына:

Въ единъ день съ утреннимъ блистаніемъ сквозь мглу
Срѣтаются они съ половцами въ долу:
Едва узрѣлися, сердца ихъ закипѣли,
Мечи и копья ихъ другъ въ друга зазвенѣли;
И многихъ ратниковъ, до солнечныхъ лучей,
Застигла вѣчна ночь, померкъ ихъ свѣтъ очей.
Уже противные полки преодолѣнны,
Разбиты, свергнуты и въ бѣгство обращенны.

(*) Слово о полку Игоря, пер. Минаева, стр. 67.

А россы храбрые, разсѣясь по полямъ,
Летая съ быстротой, подобной ихъ стрѣламъ,
Мчатъ красныхъ дѣвъ оттоль полóвецкихъ плѣненныхъ,
Тьму злата, утварей и тканей драгоцѣнныхъ.
Но всѣхъ корыстей ихъ, утѣхъ, сокровищъ сихъ
Побѣда съ славою любезнѣе для нихъ:
Гдѣ блато имъ иль топь препоны полагаютъ,
Тамъ грудами они добычу повергаютъ,
Изъ тканей, бархатовъ, одеждъ мосты творя.
Такъ бранный духъ въ груди и славу водворя,
Женамъ приличныя отмещутъ украшенья.
Не злато нужно имъ: желѣзо на сраженье!
Поправъ враговъ, дѣлятъ добычу, возвратясь.
Пріемлетъ въ оной часть и ихъ отважный князь:
Червленна чолка, стягъ багрянъ съ хоругвью бѣлой,
И древко сребряно, какъ даръ отъ рати цѣлой,
Вручéны Игорю за подвиги его.
То князю нашему пріятнѣе всего,
То злата для него и пáволокъ дороже,
Дружина такъ рѣчетъ, и воины всѣ тоже.

Такимъ образомъ переведено г. Палицынымъ все «Слово о полку Игоря», за исключеніемъ нѣсколькихъ мѣстъ, или вовсе выпущенныхъ переводчикомъ, или замѣненныхъ стихами собственной работы. Такъ, напримѣръ, все начало четвертой пѣсни, до словъ:

Такъ при Олегѣ молодомъ.....

у него выпущено и замѣнено слѣдующимъ четырехстишіемъ:

Войны́ во времена и прежнія бывали,
Напасти и бѣды Россію угнѣтали,

Не столь отъ чуждыхъ силъ, нашествій и сѣтей,
Колико отъ своихъ раздоровъ межъ князей.

Кромѣ того переводъ г. Палицына изобилуетъ множествомъ самыхъ анти-поэтическихъ вставокъ, часто искажающихъ самый смыслъ подлинника.

Переводъ г. Левитскаго нѣсколько ближе къ подлиннику, зато далеко превосходитъ переводъ г. Палицына числомъ и чудовищнымъ размѣромъ своихъ вставокъ, отличающихся необыкновенною яркостью красокъ и смѣлостью уподобленій.

Напримѣръ:

Переводъ Дубенскаго:

«Ужъ намъ своихъ милыхъ мужей ни мыслію примыслить, ни думою придумать, ни глазами увидать! а златомъ и сребромъ не брянчать ни-сколько!»

Переводъ Левитскаго:

«Невидать намъ сердцу милыхъ ужъ,
Не слыхать ихъ сладка голоса,
Не прижать къ груди пылающей,
И въ объятіяхъ супружескихъ
Не лелѣять и не нѣжить ихъ!
Не пролить слезъ умиленія,
Кромѣ слезъ единой горести!
Не видать намъ злата, сéребра,
На всегда уже отнятаго!
На что злато, — на что сéребро,

Коли грудь тѣснится вздохами?
Что безъ милыхъ въ этой пышности?
Ожерелья, ткани, бархаты
Тогда служатъ украшеніемъ,
Когда сердце цвѣтетъ въ радости,
Когда все предметъ веселія;
Но безъ милыхъ и безъ радости
Пышность всякая не радуетъ!
Увы! всѣмъ мы — всѣмъ ограблены;
Гдѣ супруги и гдѣ дѣтища?
Гдѣ и братья, гдѣ всѣ сродники?
Гдѣ? — средь поля половецкаго!...
О! пріими насъ мать сыра земля
Лучше ты въ свои объятія,
Чѣмъ терпѣть презрѣнье половцевъ;
Лучше скрыться въ гробовыхъ доскахъ,
Чѣмъ подъ властію быть половцевъ.
Такъ — умремъ или спасемъ мужей!»

Переводъ Дубенскаго:

Одинъ же Изяславъ Васильковичъ позвонилъ своими острыми мечами во шлемы литовскіе, затьмилъ славою дѣда своего Всеслава, а самъ подъ багряными щитами на травѣ кровавой изрубленъ мечами литовскими.

Переводъ Левитскаго:

Изяславъ только Васильковъ внукъ
Позвенѣлъ одинъ мечемъ своимъ
По шлемамъ литовцевъ буйственныхъ.
Только онъ одинъ осмѣлился

Усмирить гордыню адскую.
Но что дерзкихъ усмирить можетъ,
Людской кровію воспитанныхъ?
Что казаться можетъ страшнымъ имъ?
Что? — когда и саму смерть
Чтутъ единою бездѣлкою?
Сердце ихъ — есть сердце львиное,
Грудь ихъ — грудь есть леопардова,
Кровь людей — имъ нектоpъ сладостный,
Трупы — снѣдь для нихъ пріятная.
Изяславъ сталъ ихъ добычею;
Подъ щитами палъ багряными:
На травѣ смоченной кровію,
Отъ литовскихъ онъ погибъ мечей.

Эти два отрывка изъ шестой и девятой пѣсней (плачь русскихъ женъ о погибшихъ и описаніе смерти Изяслава), взятые мною на выдержку, могутъ дать совершенно вѣрное понятіе о достоинствѣ стихотворной фантазіи г. Левитскаго, названной имъ—переводомъ «Слова о полку Игоря», хотя въ этихъ двухъ произведеніяхъ, за исключеніемъ основной идеи, весьма мало общаго.

Перехожу къ переводу г. Минаева:

Переводъ Дубенскаго:

Солнце ему тьмою пусть застилало; теперь ночь, воемъ грозя ему, будила птицъ, ревъ звѣриный по степямъ; дивъ кричитъ на деревѣ, даетъ вѣсть странѣ еще неизвѣданной — Волгѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ тмутараканскій болванъ!

Переводъ Минаева:

И вотъ передъ Игоремъ,
Въ самый полудневный жаръ,
На сводѣ безоблачномъ
Стало гаснуть солнышко;
На щитъ его огненный
Всходитъ вороненый щитъ,
На Руси невиданный,
Преданьемъ незнаемый;
Высокій шатеръ небесъ
Темнѣлъ мракомъ вечера;
Лишь чуть золотымъ серпомъ
Отъ скрытаго солнышка
Виднѣлась окраина.

Летятъ тѣни на землю,
Пали смурымъ пологомъ
Кругомъ на окрестности.
На вѣтвяхъ густыхъ деревъ
Свои кудри черныя
Сѣтями развѣсили.
Стала ночь тюрьмы чернѣй;
Могильными сводами
Спустилась надъ Игоремъ,
Зарычала вкругъ него
Стаями звѣриными,
Надъ слухомъ *загукала*
Птицами зловѣщими.

Заржалъ лѣшій по лѣсу,
Крикнулъ отъ вершинъ дубовъ:
«Не хвались на-утрѣ князь,

«Хвались по-полуночи!
«Поди, попытай теперь
«Край земли незнаемой;
«Сходи, князь, въ Поволожье,
«Взгляни на Поморіе,
«Поучись по Сулію,
«Поборись по Сурожью,
«На стѣны херсонскія
«Насмотрись хоть издали!»

— Прочь, косматый чучело!
Отвѣчаетъ Игорь князь:—
Тебѣ-ли пугать меня?
Ты — Тмутараканскаго
Царства басурманскаго
Болванъ необтесанный! —

Это описаніе солнечнаго затмѣнія и дурныхъ предзнаменованій похода Игоря (изъ второй пѣсни), если хотите, весьма граціозно; жаль только, что ничего подобнаго нѣтъ въ подлинникѣ. Слѣдующій отрывокъ (изъ одинадцатой пѣсни) можно назвать даже блистательнымъ и по языку и по звучности стиха. Что же касается до вѣрности перевода—предоставляю судить читателямъ:

Переводъ Дубенскаго:

Соловьи веселымъ пѣніемъ разсвѣтъ возвѣщаютъ.

Переводъ Минаева:

Вотъ межъ чащею, подъ ракитникомъ,
Луговой пѣвецъ просыпается:

Щелкнулъ, свистнулъ, разсыпался,
Разошелся по воздуху
Серебристыми звѣньями,
Загремѣлъ перекликами,
Застоналъ перекатами,
Разлился звонкимъ голосомъ
По всему по поднебесью!
Его слушала, зарумянившись
Подъ фатой своей, браной золотомъ,
Съ неба синяго заря майская!

Несмотря на различное достоинство этихъ трехъ переложеній, какъ литературныхъ произведеній, изъ которыхъ послѣднее представляетъ нѣсколько прекрасныхъ мѣстъ, правда, большею частію принадлежащихъ перу самаго переводчика, но тѣмъ не менѣе весьма поэтическихъ, ни одинъ изъ нихъ не можетъ выполнить своего назначенія — познакомить читателя съ подлинникомъ, одно изъ главнѣйшихъ достоинствъ котораго именно заключается въ этой сжатости мыслей, характеризующей «Слово».

Иностранцы также имѣютъ нѣсколько переводовъ «Слова о полку Игоря». Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: нѣмецкіе—Юнгмана, изданный въ 1810 году, Мюллера и пастора Зедергольма, напечатанный въ Москвѣ, въ 1825 году (*); французскіе — барона Экштейна, помѣщенный въ журналѣ «Le Catholique», и Бланшарда, изданный въ Москвѣ (**); польскіе—Купріана Годебскаго и Августина

(*) Das Lied vom Heereszuge Igors, Sohnes Swätoslaws, Enkels Olegs. Aus dem Slawonischen metrisch übersetzt. Vom Pastor Sederholm. Moskau. 1825.
(**) Igor, poème héroïque, traduit du russe par N. Blanchard. Moscou. 1823.

Бѣлёвскаго (*); чешскіе — Вячеслава Ганки (**), Юнгмана и Разная (послѣдній сдѣланъ стихами); и сербскій — Хаджича, помѣщенный имъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ бѣлградскомъ альманахѣ «Голубица».

Какъ переводили иностранцы «Слово о полку Игоря»,—я привожу, для сличенія, ихъ стихотворные переводы на французскій, нѣмецкій и польскій языки:

Переводъ Бланшарда:

Il est doux de chanter un héros malheureux:
Chantons du brave Igor l'effort infructueux;
Mais que dans nos récits, simples et véridiques,
N'entrent point de Boyan les fictions antiques:
Quand ce barde voulait célébrer les héros,
Son esprit inspiré l'élevait sur les flots,
Le portait comme un aigle audessus des nuages,
Ou comme un faible oiseau parmi de verts bocages.

Переводъ Зедергольма:

Bedünket es nicht euch, ihr Brüder, löblich,
Wenn wir in alter Zeiten Wort begönnen
Die Trauermähr von Igors Heereszuge,
Des Sohnes Swätoslaws? — Wohlan denn, Lied,
Beginne, treu den Thaten dieser Zeiten,
Nicht nach Bojans Gedankenflug, des Sehers;
Denn wenn ein Heldenlied er singen wollte,

(*) Wyprawa Igora na połowców. Poemat sławiański, wydany przez Augustyna Bielowskiego. Lwów. 1833.

(**) Igor Swatoslawić. Hrdinsky zpiew o taženj proti polowcum. Od Waclawa Hanky. W Praze. 1821.

So schweifte durch die Wälder sein Gedanke,
Wie auf der Erde schweift der graue Wolf,
Den Wolken nah der bläulich-graue Aar.

Переводъ Бѣлёвскаго:

Bracia! nie pięknież piać staremi słowy
Trudne o pułku Igora powieści?
A więc pocznijmy pieśń, wedle osnowy
Zdarzeń, nie zmyśleń bojańskiemi tory;
Bo wieszczy Bojan jesli k'czyjej cześci
Pieśń tworzył, myślą uganiał przez bory,
Wilk ziemią, w wiatrach orzeł chyżopióry.

Наконецъ надъ составленіемъ примѣчаній, филологическихъ объясненій и критическихъ изслѣдованій трудились, въ разное время, кромѣ поименованныхъ мною переводчиковъ «Слова», почти всѣ извѣстные наши ученые, какъ-то: Малиновскій, Бантышъ-Каменскій, Калайдовичь, Тимковскій, Ермолаевъ, Карамзинъ, Полевой, Болтинъ, Бутковъ, Востоковъ, Погодинъ, Шевыревъ, Руссовъ, князь Вяземскій, Глаголевъ, Снегиревъ, Сахаровъ, Головинъ, Туловъ, знаменитые иноземные славяновѣдцы: Іосифъ Добровскій, Шлецеръ, Шафарикъ, Михаилъ Вишневскій, Гай и многіе другіе.

Уже одни имена этихъ ученыхъ изслѣдователей «Слова о полку Игоря», признавшихъ его высокое значеніе въ исторіи нашей литературы, какъ единственнаго самобытнаго памятника поэзіи древней Руси, могутъ служить достаточнымъ опроверженіемъ нѣкоторымъ скептикамъ, вздумавшимъ заподозрить нетолько древность этого памятника, но и самую его подлинность, въ которой теперь

уже никто не сомнѣвается, благодаря множеству полемическихъ и критическихъ статей, разрѣшившихъ наконецъ этотъ вопросъ въ пользу «Слова»; и рѣшеніе это утверждено на доказательствахъ слишкомъ ясныхъ, чтобы съ ними не согласиться, о которыхъ, впрочемъ, я не нахожу нужнымъ распространяться, такъ-какъ критическій разборъ подлинника не входитъ въ планъ моего труда — чисто литературнаго.

«Слово о полку Игоря» есть поэтическое произведеніе, занимающее въ порядкѣ развитія поэзіи эпической по ея видамъ мѣсто на переходѣ отъ эпоса героическаго къ эпосу позднѣйшей гражданственности, къ роману, и притомъ произведеніе писанное стихами, въ чемъ соглашаются нѣкоторые ученые изслѣдователи этого памятника, какъ-то: Востоковъ, Дубенскій, Полевой, Максимовичь и Туловъ, хотя и разногласятъ въ опредѣленіи его стихотворнаго склада. Мнѣніе каждаго изъ нихъ имѣетъ свои основанія, свои доказательства. Все различіе происходитъ отъ образа воззрѣнія на предметъ. Такъ, напримѣръ, Востоковъ (*), признавая вообще складъ «Слова» прозаическимъ, говоритъ однако же, что оно у него раздѣлилось на довольно ровные и мѣрные періоды или стихи, подобные библейскимъ.

Дубенскій (**) принимаетъ это въ другомъ смыслѣ, и размѣряетъ «Слово» шестистопнымъ дактило-хореическимъ стихомъ или гекзаметромъ.

Полевой также разбиваетъ подлинникъ на стихи, при чемъ говоритъ, что размѣръ въ немъ явенъ, и стоитъ

(*) См. его «Опытъ о русскомъ стихосложеніи», стр. 159—161.
(**) См. его «Опытъ о народномъ русскомъ стихосложеніи», стр. 101—107.

только не считать стопъ, чтобы тотчасъ понять его разнообразную, пѣвучую музыкальность (*).

Максимовичь же (**) полагаетъ, что вольное движеніе рѣчи «Слова» совершается, такъ сказать, отдѣльными, разнообразными волнами или стихами, не столь опредѣленнаго склада и однообразнаго размѣра, какъ народные великороссійскіе, но столько жъ разнообразные и вольные, какъ стихи украинскіе, особенно въ думахъ, съ чѣмъ нельзя не согласиться, ознакомившись съ подлинникомъ «Слова о полку Игоря».

Наконецъ, по мнѣнію Тулова (***), «Слово» могло быть или стихотворнымъ произведеніемъ, написаннымъ по образцу древнихъ эпическихъ пѣсень и при томъ такъ, какъ пишутся поэмы въ наше время — только для чтенія; или произведеніемъ прозаическимъ, сохранившимъ, въ слѣдствіе вліянія пѣсень, краски поэзіи народной; или, наконецъ, что всего вѣроятнѣе,—пѣснью, которая дѣйствительно нѣкогда распѣвалась въ честь Игоря, и потомъ была положена на бумагу, въ чемъ удостовѣряетъ насъ самъ сочинитель «Слова», который *воспѣваетъ*, а не *описываетъ* своего героя. А нужно замѣтить, что въ отдаленный отъ насъ вѣкъ игоревъ, поэзія еще не такъ давно перешла изъ устъ народа въ книги, еще не достигла такой степени искуственности, чтобы выраженіе—*пѣть*, встрѣчающееся въ «Словѣ», могло быть употреблено на такомъ же основаніи и въ такомъ же смы-

---

(*) Московскій Телеграфъ, 1833 г. № 7, стр. 429.

(**) См. его «Пѣснь о полку Игоря, критическій разборъ», стр. 82—84.

(***) См. его «Руководство къ познанію родовъ, видовъ и формъ поэзіи», стр. 205—206.

слѣ, въ какомъ оно употреблено, напримѣръ, въ стихѣ Хераскова:

«*Пою* отъ варваровъ Россію свобожденну».

Эти смѣлыя предположенія, основанныя на доказательствахъ, можетъ быть, не совсѣмъ ясныхъ, но тѣмъ не менѣе справедливыхъ, навели меня на мысль перевести знаменитую поэму стихами. Ознакомившись съ подлинникомъ, въ чемъ не встрѣтилъ большихъ затрудненій, благодаря обилію выше-поименованныхъ мною переводовъ и критическихъ изслѣдованій, я съ жаромъ принялся за работу и — вскорѣ переводъ мой былъ оконченъ. Теперь онъ предъ судомъ публики. Знаю всю недостаточность моего слабаго труда, внушеннаго желаніемъ подѣлиться тѣми пріятными впечатлѣніями, которыя пробудило во мнѣ изученіе этого стариннаго памятника; знаю, что мнѣ неудалось уловить всѣхъ чудныхъ оттѣнковъ подлинника, ярко блистающаго неподдѣльными красками поэзіи, но утѣшаю себя мыслію, что старался, по крайнѣй мѣрѣ, незначительность таланта вознаградить добросовѣстнымъ изученіемъ и, если не художественною, то возможно-вѣрною передачею неподражаемыхъ красотъ, которыми такъ богато «Слово»; при чемъ старался, по возможности, сохранить тонъ и складъ рѣчи подлинника, составляющіе всю особенность этого древнѣйшаго произведенія нашей письменности. Что же касается до подлинника «Слова», то, слѣдуя совѣту г. Востокова (**) и принявъ за основаніе мнѣніе г. Максимовича,

---

(**) «Не мѣшало бы, хотя для типографической исправности, что бъ облегчить читателю отъискиваніе мѣстъ при новомъ изданіи «Слова о полку Игоревѣ», раздѣ-

изложенное мною выше, я разбилъ его на стихи, подобные старинным малороссійскимъ, а для удобства напечаталъ славянскими (кирилловскими) буквами, по пушкинскому списку.

Не смотря на видимую цѣлость и стройность повѣствованія, въ которомъ вездѣ является Игорь, или самъ, какъ дѣйствующее лицо, или какъ предметъ и причина дѣйствія, «Слово о полку Игоря», въ тоже время, представляетъ нѣсколько рѣзкихъ переходовъ и отступленій (какъ, напримѣръ, четвертая и девятая пѣсни, посвященныя воспоминанію о минувшемъ), раздѣляющихъ его на нѣсколько (именно двѣнадцать) частей, которыя я, по примѣру г. Сахарова, назвалъ пѣснями.

Отсюда рождается вопросъ: не вошли ли въ составъ «Слова» еще и другія пѣсни и отрывки, кромѣ тѣхъ, которые самъ авторъ приписываетъ Бояну (*)? или даже— не составлено ли оно неизвѣстнымъ пѣвцемъ Игоря, подобно рапсодіямъ Омира, изъ нѣсколькихъ современныхъ пѣсень, посвященныхъ злополучному походу Игоря и счастливому его возвращенію на родину?

Соображаясь съ духомъ каждой изъ этихъ пѣсней, я старался подобрать соотвѣтствующій ей стихотворный размѣръ, чтобы удобнѣе поддѣлаться подъ тонъ его сладко-звучащей рѣчи. Успѣлъ ли я въ томъ—предоставляю судить читателямъ.

лить сію древнюю поэму русскую на стихи, подобные библейскимъ». (Востоковъ).

(*) Мнѣніе Максимовича.

Николай Гербель.

20 августа 1853 года.
С. Петербургъ.

Imp. Lith. de Munster.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ

ЗАПѢВЪ.

Который дотєчаше,
Та прѣди пѣсь пояше
Старому Ярославу,
Храброму Мстиславу....

Не лѣпо ли ны бяшетъ,
Братіе,
Начати старыми словесы
Трудныхъ повѣстій
О пълку Игоревѣ,
Игоря Святъславлиа?
Начати же са тъй пѣсни
По былинамь сего времени,

А не по замышленію Боянію?

Боянъ бо вѣщій,
Аще кому хотяше пѣснь творити,
То растѣкашеся мыслію по древу,
Сѣрымъ вълкомъ по земли,

Шизымъ орломъ подъ облаки.

Помнящеть бо рече
Първыхъ временъ усобицѣ:
Тогда пущашеть ї соколовь
На стадо лебедѣй,
Который дотечаше,
Та прѣди пѣсь поляше
Старому Ярославу,
Храброму Мстиславу,

Не начать ли, братцы, мнѣ
Моего повѣствованья,
По завѣтной старинѣ,
Складомъ важнаго сказанья
Про исполненный невзгодъ
Святославича походъ?
И начать разсказъ мнѣ свой
Не по пѣснямъ вдохновеннымъ
Соловья страны родной,
А по былямъ современнымъ?
Ибо, если нашъ пѣвецъ
Сплесть хотѣлъ кому вѣнецъ,
То носился мыслью-птицей
Онъ по дебрямъ и лѣсамъ,
Сѣрымъ волкомъ по полямъ,
Или сизою орлицей
Уносился къ облакамъ.

А когда о несчастливыхъ
Временахъ онъ вспоминалъ:
Десять соколовъ пускалъ
На лебедокъ говорливыхъ,
И лишь соколъ налеталъ,
Лебедь пѣсню начиналъ
То про старца Ярослава [1],
То про храбраго Мстислава [2],

Иже зарѣза Редедю
Предъ пълки Касожьскыми,

Красному Романови Святъславлую.

Боянъ же, братіе,
Не і соколовь
На стадо лебедѣй пущаше,
Нъ своя вѣщиа пръсты
На живаа струны въскладаше;
Они же сами
Княземъ славу рокотаху.

Поуемъ же, братіе,
Повѣсть сю
Отъ стараго Владимера
До нынѣшняго Игоря;

Иже истягну умь крѣпостію своею,
И поостри сердца своего мужествомъ,

Наплънився ратнаго духа,
Наведе своя храбрыя плъкы
На землю Половѣцькую
За землю Руськую.

Что касоговъ побѣдилъ,
И Редедю великана
Въ поединкѣ умертвилъ,
То про краснаго Романа [3].

Не на стадо лебедей
Дней минувшихъ соловей
Десять соколовъ пускаетъ, —
Онъ перстами пробѣгаетъ
По рокочущимъ струнамъ,
И онѣ ужъ возглашаютъ
Славу доблестнымъ князьямъ.

Такъ начну же наше «Слово»
Отъ Владиміра Святого,
И про Игоря [4], друзья,
Пѣсней вамъ окончу я:
Про того вождя-героя,
Кто свой разумъ изострилъ,
Кто кровавой жаждой боя
Духъ свой бранный укрѣпилъ,
И за Русь повелъ дружины
Нашихъ Сѣверскихъ князей
Въ безглагольныя равнины
Половецкихъ дикарей.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ПЕРВОЙ.

[1]) Ярославъ Святославичъ, братъ Олега Тмутараканскаго и Романа Святославича Краснаго.

[2]) Мстиславъ Владиміровичъ Тмутараканскій, дѣдъ Олега. Въ 1022 году, онъ въ единоборствѣ умертвилъ великана и богатыря — касожскаго князя Редедю, и увелъ въ плѣнъ его жену и дѣтей.

[3]) Романъ Святославичъ, родной братъ Олега Тмутараканскаго, дѣда Игоря. Погибъ въ 1079 году.

[4]) Игорь Святославичъ, удѣльный князь Новгородъ-Сѣверскій, сынъ Святослава Ольговича Черниговскаго — герой поэмы.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

ВѢЩЕЕ ЗАТМѢНІЕ.

Лꙋчежъ бы потатꙋ быти,
Неже полонѣнꙋ быти!

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце,
И видѣ отъ него тьмою
Вся своя воя прикрыты,
И рече Игорь къ дружинѣ своей:

„Братіе и дружино!
„Лучежъ бы потяту быти,
„Неже полонену быти:
„А всядемъ, братіе,
„На свои бръзыя комони,
„Да позримъ синего Дону.“

Спала Князю умь похотѝ,
И жалость ему знаменіе заступи,
Искусити Дону великаго.

„Хощу бо, рече, копіе приломити
„Конець поля Половецкаго
„Съ вами Русици;

„Хощу главу свою приложити,
„А любо испити
„Шеломомь Дону!“

О Боже,
Соловію стараго времени!
Абы ты ся плъкы ущекоталъ,

Князь Игорь взглянулъ на дневное свѣтило,
И видя, что вмѣсто лучей,
Полки его мглою оно осѣнило,
Такъ молвилъ дружинѣ своей:

«Не лучше ль погибнуть средь битвы кровавой,
«Чѣмъ даться живому въ полонъ!
«И такъ—на коней и за новою славой!...
«Туда, гдѣ синѣется Донъ!»

Въ могучее сердце запало желанье —
Напиться изъ Дона-рѣки:
И доблестный Игорь забылъ предвѣщанье,
Подъ гнетомъ душевной тоски.

«Хочу, продолжалъ онъ, объ поле чужое—
«Чужой Половецкой земли
«Сломить, вмѣстѣ съ вами, копье боевое,
«Дружина и братья мои!

«Хочу положить свои кости за Дономъ—
«На берегѣ дальнемъ его,
«Илѝ, зачерпнувши желѣзнымъ шеломомъ,
«Напиться воды изъ него!»

Боянъ вдохновенный! твоими стихами
Приличнѣе пѣть о быломъ,

Скача славію по мысленѹ древѹ,
Летая ѹмомъ подъ облакы,

Свивая славы оба полы сего времени,

Рыща въ тропѹ Троянюю
Ѹресъ поля на горы.

Пѣти было пѣсь Игореви,
Того Олга внѹкѹ.
Не бѹря соколы
Занесе ѹрезъ поля широкая:
Галици стады
Бѣжать къ Донѹ великомѹ;
Ѹнли въспѣти было
Вѣщей Бояне,
Велесовь внѹче:

Комони ржѹть за Сѹлою;
Звенить слава въ Кыевѣ;
Трѹбы трѹбять въ Новѣградѣ;
Стоять стязи въ Пѹтивлѣ:

Игорь ждетъ
Мила брата Всеволода.
И рече емѹ
Бѹй Тѹръ Всеволодъ:

„Однинъ братъ,
„Однинъ свѣтъ
„Свѣтлый ты Игорю!
„Оба есвѣ Сватъславляча!

Носяся умомъ наравнѣ съ облаками,
Порхая лѣснымъ соловьёмъ,

Сличая прошедшую русскую славу
Съ позднѣйшей, и мчась по слѣдамъ
Героя Трояна, сквозь боръ и дубраву,
По дебрямъ, полямъ и горамъ:

Тебѣ бы приличнѣе пѣть о героѣ —
Про ольгова внука дѣла!
Не буря изъ родины въ поле чужое
Степныхъ соколовъ занесла:

Слетаются галки густыми стадами
На Донъ, изъ невѣдомыхъ странъ....
Илѝ не начать ли твоими стихами,
Велесовъ [1] внукъ, вѣщій Боянъ:

Ржутъ борзые кони за тихой Сулою;
Въ Новѣ-градѣ [2] трубы трубятъ;
Прославился Кіевъ счастливой войною;
Въ Путивлѣ знамена шумятъ:

Князь Игорь лишь брата буй-туръ Всеволода [3],
Имъ нѣжно любимаго, ждетъ.
И такъ ему молвитъ любимецъ народа
Отважный буй-туръ Всеволодъ:

— Единственный братъ мой! единая слава!
Свѣтъ свѣтлый — мой Игорь-боецъ!
Не мы ль сыновья одного Святослава?
Не ты ли мой братъ первенецъ?

„Сѣдлай, брате,
„Свои бръзыи комони,
„А мои ти готови,
„Осѣдлани у Курьска на переди.

„А мои ти Куряни
„Свѣдоми къмети,
„Подъ трубами повити,
„Подъ шеломы възлелѣяны,
„Конець копіа въскръмлени;
„Пути имь вѣдоми,
„Дрогы имъ знаеми,
„Луци у нихъ напряжени,
„Тули отворени,
„Сабли изъостреии;
„Сами скачють,
Акы сѣрыи влъци, въ полѣ,
„Ищучи себе чти,
„А Князю славѣ.“

Тогда въступи Игорь Князь
Въ златъ стремень,
И поѣха по чистому полю.
Солнце ему тъмою
Путь заступаше;
Нощь стонущи ему
Грозою птичь убуди,
Свистъ звѣринъ въ стазби;
Дивъ кличетъ врьху древа:

Велитъ послушати
Земли незнаемѣ —

Вели — пусть кольчужники снова сѣдлаютъ
Своихъ быстроногихъ коней:
Мои же у Курска тебя поджидаютъ,
Красуясь бронею своей.

Куряне жъ мои — удалые куряне —
Взлелѣяны въ шлемахъ родныхъ,
Повиты подъ трубными звуками брани,
И вскормлены съ копій стальныхъ.

Дороги знакомы, луки съ тетивами,
Извѣстенъ имъ каждый оврагъ,
Колчаны гремятъ боевыми стрѣлами,
Булатныя сабли въ рукахъ;

И знаютъ лишь рыскать по чистому полю,
Какъ волки по дебрямъ бродить,
Чтобъ только добыть себѣ чести на долю,
Чтобъ князю почету добыть. —

Князь Игорь въ чеканное стремя вступаетъ,
И ѣдетъ дорогой степной;
Но солнце дорогу ему застилаетъ
Полночною, синею тьмой.

Ночь, воемъ грозя ему, птицъ пробуждаетъ,
И ревъ плотоядныхъ звѣрей
Въ окрестныхъ степяхъ; и сова завываетъ
Подъ сѣнью древесныхъ вѣтвей,

Чтобъ волнамъ Сурожа [4] и—вамъ, поморяне —
Дать вѣсть за далекой землей,

Влъзѣ, и по морю,
И по Сулю, и Сурожу, и Корсуню,
И тебѣ, Тьмутораканьскый блъванъ.

А Половци неготовами дорогами
Побѣгоша къ Дону великому;
Крычатъ телѣгы полунощы,
Рци лебеди роспущени.

Игорь къ Дону вои ведетъ;

Уже бо бѣды его пасетъ птиць;

Подобию влъци
Грозу въсрожатъ по яругамъ;

Орли клектомъ на кости звѣри зовутъ;

Лисици брешутъ на чрьленыя щиты.
О Руская земле!
Уже за Шеломянемъ еси!

Много нощь мркнетъ,
Заря свѣтъ запала,
Мъгла поля покрыла,
Щекотъ славий успе,
Говоръ галичь убуди.

Русичи великая поля
Чрьлеными щиты прегородиша,
Ищучи себѣ чести,
А Князю славы.

Корсуню [5], и идолу въ Тмутараканѣ [6],
И Волгѣ съ Сулою-рѣкой.

А половцы пò полю тѣсной толпою
Къ великому Дону спѣшатъ;
Какъ рѣзкій крикъ лебедя, поздней порою
Возы ихъ дорогой скрипятъ.

Онъ къ синему Дону свой путь направляетъ
Съ дружиною храброй своей;
Но птицы погибель ему предвѣщаютъ;
Орлы плотоядныхъ звѣрей

Пронзительнымъ крикомъ своимъ вызываютъ
На трупы, изъ дебрей лѣсныхъ;
И волки невзгоду на нихъ накликаютъ,
Блуждая въ оврагахъ крутыхъ;

Проснулись лисицы и лаютъ за станомъ,
Завидя стальные щиты.
Кормилица Русь! уже тыі за курганомъ!
Спускается ночь съ высоты,

Заря, чуть мерцая, въ дали догараетъ,
Поля покрываются мглой,
Въ сосѣднемъ лѣсу соловей умолкаетъ,
Крикъ галичій слышенъ порой.

А русскіе, тѣсно сомкнувшись щитами,
Идутъ по пустыннымъ полямъ —
Добыть себѣ чести стальными мечами,
И славы — отважнымъ князьямъ.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ВТОРОЙ.

[1]) Велесъ — богъ скотоводства. Почему же здѣсь Боянъ названъ его внукомъ — неизвѣстно, хотя нѣкоторые толкователи «Слова» и силились объяснить эту загадочную фразу.

[2]) Новгородъ-Сѣверскій — резиденція Игоря, героя поэмы.

[3]) Всеволодъ Святославичъ Курскій и Трубчевскій, меньшой братъ Игоря.

[4]) Азовское море, или Судакъ въ Крыму.

[5]) Древній Херсонесъ Таврическій.

[6]) Тмутаракань былъ княженіемъ нашихъ обдѣленныхъ владѣтелей, и находился гдѣ-то около Азовскаго моря, потому-что въ «Патерикѣ», въ житіи св. Никона, островъ Тамань названъ тмутараканскимъ. По кончинѣ Олега, онъ былъ завоеванъ половцами.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

ПОБѢДА.

Ти са копьемъ приламати!
Ти са сабламъ потрвуати!

Съ зараніа въ паткъ
Потопташа поганыя
Плъкы Половецкыя;
И рассушась стрѣлами по полю,
Помуаша красныя
Дѣвкы Половецкыя,
А съ ними злато, и паволокы,
И драгыя оксамиты.
Орьтъмами и апонунцами и кожухы
Науаша мосты мостити
По болотомъ и грязикымъ мѣстомъ.
И всякыми узороуьи Половецкыми.
Уръленъ стагъ,
Бѣла хорюговь,
Урълена уолка,
Сребрено стружіе —
Храброму Сватьславлую.

Дремлетъ въ полѣ Ольгово
Хороброе гнѣздо....
Далеуе залетѣло....

Не былонъ обидѣ порождено —
Ни соколу, ни креуету,
Ни тебѣ уръный воронъ,
Поганый Половунне.

Встрѣтившись въ пятницу утромъ, русичи дружнымъ напоромъ
Смяли враговъ; и, разсыпавшись, будто стрѣлы, по пòлю,
Много побрали пригожихъ дѣвицъ половецкихъ, а съ ними
Столько золота, тканей цвѣтныхъ и парчи драгоцѣнной,
Что кожухами, плащами и всякою вражьей одеждой
Послѣ по топкимъ мѣстамъ и болотамъ плотины мостили.
Красное знамя, хоруговь, багряная чолка и древко
Хитрой чеканной работы досталися храброму князю
Игорю.

Дремлетъ средь поля гнѣздо удалого Олега, —
Въ степь далеко залетѣло; затѣмъ, что оно не родилось
На обиду ни соколу злому, ни кречету птицѣ

Хищной, ни даже тебѣ, черный воронъ — злодѣй половчанинъ!

Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ;
Кончакъ ему слѣдъ правитъ
Къ Дону великому.

Другаго дни велми рано
Кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ;

Урьныя тучя съ моря идутъ,
Хотятъ прикрыти д҃ солнца:
А въ нихъ трепещуть синіи млъніи;
Быти грому великому,
Итти дождю стрѣлами
Съ Дону великаго:
Ту ся копіемъ приламати,
Ту ся саблямъ потрючати
О шеломы Половецкыя,
На рѣцѣ на Каялѣ,
У Дону великаго.
О, Руская землѣ!
Уже не Шеломянемъ еси.
Се вѣтри, Стрибожи внуци,
Вѣютъ съ моря стрѣлами
На храбрыя плъкы Игоревы!
Земля тутнетъ,
Рѣкы мутно текуть;
Пороси поля прикрываютъ;
Стязи глаголютъ:
Половци идуть оть Дона, и отъ моря,
И отъ всѣхъ странъ.
Рускыя плъкы отступиша.
Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша,
А храбрии Русци
Преградиша чрьлеными щиты.

Мчится воинственный Гзакъ[1] сѣрымъ волкомъ по чистому полю,
Слѣдомъ за нимъ и Кончакъ поспѣшаетъ къ великому Дону.

Рано заутра востокъ загорѣлся кровавой зарею;
Черныя тучи идутъ съ отдаленнаго моря, стараясь
Тѣнью своею закрыть четыре блестящія солнца;

Синія молніи въ тучахъ трепещутъ: быть сильному грому,
Литься дождю стрѣлами съ великаго Дона. Тамъ-то
Копьямъ стальнымъ поломаться! тамъ-то объ шлемы половцевъ
Острымъ мечамъ притупиться — на быстрой Каялѣ, у Дона!
Русь, уже ты подъ курганомъ! Чу! вѣтры, стрибоговы[2] внуки,
Дуютъ съ моря стрѣлами на храброе русское войско.
Стонетъ земля подъ копытами, рѣки мутятся подъ бродомъ,
Стелется пыль по полямъ, и лепечутъ знамена: это
Половцы тучей отъ Дона и съ моря идутъ, и отвсюду
Наши родные полки окружаютъ. Бѣсовы дѣти

Крикомъ свой станъ оградили, а русское войско — щитами.

Аръ тѹре Всеволодѣ!
Стоиши на боони,
Прыщеши на вои стрѣлами,
Гремлеши о шеломы
Меѹи харалѹжными.
Камо Тѹръ поскоѹаше,
Своимъ златымъ шеломомъ посвѣѹивая,
Тамо лежатъ поганыя
Головы Половецкыя;
Посѣпаны саблями калеными
Шеломы Оварьскыя
Отъ тебе Аръ Тѹре Всеволоде!

Кая раны дорога, братіе,
Забывъ ѹти и живота,
И града Ѹерънигова,
Отня злата стола,

И своя милыя хоти
Красныя Глѣбовны
Свыѹая и обыѹая?

Всеволодъ буйный! ты бьешься въ переднихъ
рядахъ, осыпаешь
Тучею стрѣлъ половчанъ и гремишь объ ихъ
шлемы мечами;
Гдѣ ни появишься ты, богатырь, золоченымъ
шеломомъ
Блеща, тамъ въ прахѣ лежатъ половецкія голо-
вы грудой;
Тамъ, пополамъ разсѣченные саблей булатной
твоею,
Всеволодъ доблестный! падаютъ въ прахъ ихъ
аварскіе шлемы.

Братцы! какія же раны опасны ему, когда онъ

Все позабылъ — и почетъ, и веселую жизнь, и
Черниговъ
Городъ, и отчій престолъ золотой, и обычаи
славныхъ
Предковъ, и ласки привѣтливой Глѣбовны [3] —
милой супруги?

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ТРЕТЬЕЙ.

[1]) Гзакъ и Кончакъ — ханы половецкіе.

[2]) Стрибогъ, онъ же Позвиздъ, славянскій Эолъ, богъ бурь и непогодъ.

[3]) Ольга Глѣбовна — супруга Всеволода, дочь князя Глѣба Юрьевича Кіевскаго и сестра Владиміра Глѣбовича Переяславскаго.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ВОСПОМИНАНІЕ ПѢВЦА ОБЪ УСОБИЦАХЪ.

Погибашеть жизнь Дажь-Божа внука.

Были вѣчи Троянни,
Минула лѣта Ярославля;
Были плъци Олговы,
Ольга Святьславляя.

Тъй бо Олегъ
Мечемъ крамолу коваше,
И стрѣлы по земли сѣяше.

Ступаетъ въ златъ стремень
Въ градѣ Тьмутороканѣ.
Тоже звонъ слыша
Давный великый Ярославь;

А сынъ Всеволожь Владиміръ
По вся утра
Уши закладаше въ Черниговѣ;

Бориса же Вячеславляя
Слава на судъ приведе,
И на канину зелену
Паполому постла,
За обиду Олгову
Храбра и млада Князя.

Прошли трояновы вѣка,
Минуло время Ярослава,
Не стало ольгова полка —
Олега [1] сына Святослава,
Который саблею ковалъ
Одни крамолы и раздоры,
И вкругъ стрѣлами осыпалъ
Родныя пажити и горы:

Еще, бывало, на коня
Садился онъ въ Тмутаракани,
А ужъ къ концу того же дня
Раскатамъ грома новой брани
Великій Всеволодъ внималъ,
А князь Владиміръ [2], сидя дома,
Чтобъ не слыхать тѣхъ браней грома,
Съ разсвѣтомъ уши затыкалъ.

И привела на судъ свой слава
Бориса [3], сына Вячеслава,
И положила на коверъ —
На бархатъ конскаго покрова —
За оскорбленье, за позоръ
Олега князя молодого.

Съ тоѧже Каѧлы
Свѧтоплъкь повелѣѧ отца своего

Междю Угорьскими иноходьцы
Ко Свѧтѣй Софіи къ Кіеву.

Тогда при Олзѣ Гориславличи

Сѣѧшетсѧ и растѧшеть усобицами;

Погибашеть жизнь Даждь-Божа внука,
Въ Кнѧжихъ крамолахъ
Вѣци человѣкомь скратишась.

Тогда по Руской земли
Рѣтко ратаевѣ кикахуть:
Нъ часто врани граѧхуть,
Трупіа себѣ дѣлѧче;

А галици свою рѣчь говорѧхуть,

Хотѧть полетѣти на уедіе.

То было въ ты рати, и въ ты плъкы;

А сице и рати не слышано:

И Святополкъ [4] нашъ съ той же самой
Каялы бурной и упрямой
Велѣлъ отца священный прахъ
Поднять на угорскихъ [5] коняхъ
Къ стѣнамъ софіевскаго храма.

Такъ при Олегѣ молодомъ —
При Гориславичѣ — кругомъ
Междоусобья засѣвались,
Всходили — горемъ разростались;
И погибала жизнь людей —
Внучатъ могучаго Даждь-бога,
И сокращалася на много
Въ междоусобіяхъ князей.
Въ то время рѣдко оглашали
Равнины пѣсни поселянъ;
Но часто вороны кричали,
Терзая трупы христіанъ;
А галки въ полѣ собирались,
И на пиру родныхъ полянъ
Между собой перекликались.

Не разъ гремѣлъ побѣдный громъ,
И битвы лютыя бывали;
Но о сраженіи такомъ
Еще на Руси не слыхали:

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ЧЕТВЕРТОЙ.

[1]) Олегъ Святославичъ, дѣдъ Игоря—героя поэмы, бывшій, вмѣстѣ съ своимъ крамольнымъ братомъ Романомъ Святославичемъ, главнымъ виновникомъ междоусобныхъ войнъ того времени.

[2]) Владиміръ Мономахъ.

[3]) Борисъ Вячеславичъ, сынъ Вячеслава Ярославича Смоленскаго. Былъ убитъ въ 1078 году, въ сраженіи при селѣ Нѣжатинѣ (Нѣжинѣ).

[4]) Святополкъ Изяславичъ сынъ великаго князя Изяслава, убитаго на Нѣжатиной нивѣ.

[5]) Угорскихъ — венгерскихъ.

[6]) Пѣвецъ Игоря того же Олега Святославича (см. прим. 1-е) называетъ отъ себя — *Гориславичемъ*, какъ названа Рогнѣда, супруга Владиміра I, *Гориславою*.

1853
Imp. Lith. de Munsteel

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

ПОРАЖЕНІЕ.

Что мн шумить,
Что мн звенить
Далеча рано предъ зорами?

Съ зарания до вечера,

Съ вечера до свѣта

Летятъ стрѣлы каленыя,
Гримлютъ сабли о шеломы,
Трещатъ копия харалужныя

Въ полѣ незнаемѣ
Среди земли Половецкыи.

Урына земля подъ копыты
Костьми была посѣяна,
А кровию польяна:

Тугою взыдоша
По Руской земли.

Что ми шумить,
Что ми звенить
Далеча рано предъ зорями?

Игорь плъкы заворочаетъ:
Жаль бо ему
Мила брата Всеволода.

Отъ денницы золотой
До глубокой мглы ночной,
И отъ этой мглы ночной
До денницы золотой
Стрѣлы тучами летятъ,
Копья крѣпкія трещатъ,
И о бляхи мѣдныхъ латъ
Сабли острыя гремятъ,
Средь невѣдомыхъ полей
Кровожадныхъ дикарей.

Степь истоптана, изрыта
Сталью конскаго копыта, —
И кругомъ была она
Нашей кровію полита,
А костьми удобрена:
И надъ Русскою землею
Тотъ посѣвъ взошелъ бѣдою.

Что за топотъ, что за звонъ
Рано утромъ, предъ зарею?
Это Игорь! — это онъ,
Онъ, съ дружиной удалою:
Сердцу вѣрному его
Жалко брата своего.

Бишася день,
Бишася другый:
Третьяго дни къ полуднию
Падоша стязи Игоревы.

Ту ся брата разлучиста
На брезѣ быстрой Каялы.

Ту кроваваго вина не доста;

Ту пиръ докончаша
Храбрiи Русичи:

Сваты попоиша,
А сами полегоша
За землю Рускую.

Ничить трава жалощами,

А древо стугою
Къ земли преклонилось.

Вотъ ужъ день, за нимъ другой —
Пышетъ битва, будто пламя,
А на третій, предъ зарей,
Пало княжеское знамя:
И опять разлучены
Братья жребіемъ войны,
Тамъ гдѣ пѣнится Каяла [2].
Чаша выпита до дна!...
Тамъ кроваваго вина
Не хватило, не достало!
Тамъ у вражеской рѣки
Наши братья-земляки
Пиръ кровавый довершили,
Жданыхъ сватовъ напоили,
И за честь своей земли
Сами трупами легли.

Вянетъ на полѣ былина
Подъ кручиною-тоской,
И къ землѣ тоска-кручина
Клонитъ яворъ молодой.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ПЯТОЙ.

[1]) Подъ словомъ «звонъ» надобно понимать звукъ трубъ военныхъ, а не колоколовъ.

[2]) Нынѣшній Кагальникъ, впадающій въ Донъ.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

ПЛАЧЪ ПѢВЦА.

Тоска разлилася по Руской земли.

Уже бо, братіє,
Не веселая година въстала,
Уже пустыни силу прикрыла.
Въстала обида
Въ силахъ Дажь-Божа внука.
Вступилъ дѣвою
На землю Троянню,
Въсплескала лебедиными крылы
На синѣмъ море
У Дону плещуи:
Уби жирна времена.

Усобица Княземъ на поганыя погыбе,

Рекоста бо братъ брату:
Се мое, а то моеже;
И начяша Князи про малое,
Се великое млъвити,
А сами на себѣ
Крамолу ковати:
А поганиі съ всѣхъ странъ
Прихождаху съ побѣдами
На землю Руську.

О! далече зайде соколъ,
Птиць бья къ морю:

Наступило время тяжкое,
Пало въ полѣ войско храброе.
«Возстаетъ обида кровная
«И надъ внуками даждь-божьими
«Разражается несчастьями;
«Неземной вступивши дѣвою
«На черту земли трояновой,
«Она громко, громко крыльями
«Заплескала лебедиными
«На Дону, у моря синяго:
«Пробудила время тяжкое!

Перестали воевать князья
Съ половчанами погаными,
Потому-что, вмѣсто дружества,
Сталъ братъ брату поговаривать
О раздѣлѣ; и вотъ начали
Межъ собою князья ссориться
За пустое, какъ за важное,
И крамолу на себя ковать.
А межъ-тѣмъ враги со всѣхъ сторонъ
Приходили въ землю Русскую,
И вторгалися погибелью.

О! далеко залетѣлъ соколъ,
Птицъ сгоняя къ морю синему:

А Игорева храбраго
Плъкъ не крѣсити.

За нимъ кликнꙋ Карна и Жла,
Поскоуи по Рꙋской земли,
Смагꙋ мыюуи
Къ пламанѣ розѣ.

Жены Рꙋскіа въсплакашась,
Аркꙋуи:
„Уже намъ своихъ милыхъ ладъ
„Ни мыслію смыслити,
„Ни дꙋмою сдꙋмати,
„Ни оуима съгладати,
„А злата и сребра
„Ни мало того потрепати.“

А въстона бо, братіе,
Кіевъ тꙋгою,
А Уерниговъ напастьми;
Тоска разліаса по Рꙋской земли;
Печаль жирна тече средь земли Рꙋскый.

А Князи сами на себе
Крамолꙋ ковахꙋ;
А поганіи сами
Побѣдами нарицꙋще
На Рꙋскꙋю землю,

Емлахꙋ дань по бѣлѣ отъ двора.
Тіи бо два храбраа Сватъславлиуа,
Игорь и Всеволодъ
Уже лжꙋ ѹбꙋди,

Ужъ дружинѣ храброй Игоря
Не воскреснуть для кровавыхъ битвъ!
По слѣдамъ ея помчалися,
Оглашая воздухъ кликами,
Жля и Карна [1] нечестивые;
Прискакали въ землю Русскую,
Разразилися пожарами.

Зарыдали жены русскія,
Приговаривая жалобно:
«Видно ужъ не взмыслить мыслію,
«Видно ужъ не вздумать думою,
«Ни очами, видно, болѣе
«Не увидѣть намъ мужей своихъ!
«А сребромъ и звонкимъ золотомъ
«Не бренчать намъ, не побрякивать!»

Возстоналъ такъ Кіевъ скорбію,
А Черниговъ подъ напастями;
Разлилась тоска тяжелая
По Руси, и горе лютое
Затопило землю Русскую.

А межъ-тѣмъ, какъ князья русскіе
Межъ собою только ссорились,
Наши вороги поганые
Приходили въ землю Русскую,
И съ дворовъ, какъ побѣдители,
Собирали дань постыдную —
По одной по бѣлкѣ съ каждаго.
Потому-что Святославичи —
Всеволодъ и Игорь храбрые —
Вновь вражду неукротимую

Которую то баше
Успилъ отецъ ихъ
Святъславь грозный
Великый Кіевскый.
Грозою башеть;

Притрепеталъ своими сильными плъкы
И харалужными мечи;
Наступи на землю Половецкую,
Притопта хлъми и дрьгы,
Взмути рѣки и озеры,
Иссуши потоки и болота,

А поганаго Кобака изъ луку мора
Отъ желѣзныхъ, великихъ
Пълковъ Половецкихъ,
Яко вихрь, выторже:
И падеся Кобакъ въ градѣ Кіевѣ,
Въ гридницѣ Святъславли.

Ту Нѣмци и Венедици,
Ту Греци и Морава
Поютъ славу Святъславлю,
Каютъ Князя Игоря,
Иже подрузи жиръ
Во днѣ Каялы
Рѣкы Половецкія,
Рускаго злата насыпаша.
Ту Игорь Князь
Высѣдѣ изъ сѣдла злата,
А въ сѣдло Кощіево.
Уныша бо градомъ забралы,
А веселіе поникче.

Пробудили — ту, которую
Усыпилъ-было родитель ихъ
Святославъ Великій, Кіевскій.
Онъ заставилъ хищныхъ половцевъ
Трепетать, какъ передъ бурею,
Предъ своею ратью сильною —
Передъ саблями булатными.
Наступилъ ногою твердою
Онъ на землю Половецкую,
Притопталъ холмы съ оврагами,
Возмутилъ озера съ рѣками,
Изсушилъ ключи съ болотами,
И исторгъ изъ лукоморія [2]
Кобяка [3] ихъ нечестиваго
Изъ средины половецкаго
Войска — сильнаго, несмѣтнаго:
И Кобякъ безсильнымъ плѣнникомъ
Очутился въ стольномъ Кіевѣ,
Во дворцѣ велико-княжескомъ.

Греки и купцы нѣмецкіе,
И моравцы съ венецейцами
Пѣли славу святославову
И хулили князя Игоря,
Потопившаго въ Каяль-рѣкѣ
Половецкой силу ратную,
Вмѣстѣ съ кровнымъ русскимъ золотомъ;
Гдѣ онъ славный ужъ князь Сѣверскій
Изъ сѣдла раззолоченаго
Пересѣлъ въ сѣдло полонника.

Пріуныли стѣны крѣпкія,
Омрачилося веселіе.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ШЕСТОЙ.

[1]) Жля и Карна — ханы половецкіе.

[2]) Такъ назывался морской *излучистый* берегъ, имѣющій видъ *лука* или дуги. Одна изъ ордъ половецкихъ, обитавшая близъ лукоморія, называлась — лукоморскою.

[3]) Ханъ половецкій, взятый въ плѣнъ Святославомъ за годъ до похода Игоря.

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

СОНЪ СВЯТОСЛАВА.

Два солнца помѣркоста,
Оба багряная стълпа погасоста.

А Свѧтъславь мꙋтенъ сонъ видѣ:
„Въ Кіевѣ на горахъ
„Си ночь съ вечера
„Одѣвахъте мѧ, рече,
„Чръною паполомою,
„На кроваты тисовѣ.
„Чръпахꙋть ми синее вино
„Съ трꙋдомь смѣшено;
„Сыпахꙋть ми тъщими тꙋлы
„Поганыхъ тльковинъ
„Великый женчюгь на лоно,
„И нѣгꙋютъ мѧ.
„Уже дьскы безъ кнѣса
„Вмоемъ теремѣ златовръсѣмъ.
„Всю нощь съ вечера
„Босꙋви врани възграѧхꙋ,
„У Плѣсньска на болони
„Бѣша дебрь Кисаню,
„И не сошлю къ синемꙋ морю."
И ркоша боѧре Кнѧзю:
„Уже, Кнѧже, тꙋга ꙋмь полонила;
„Се бо два сокола слѣтѣста
„Съ отнѧ стола злата,
„Поискати града Тьмꙋторокана,
„А любо испити
„Шеломомь Донꙋ.

Худой Святославу привидѣлся сонъ:
«Мнѣ снилось (боярамъ разсказывалъ онъ)
«Что будто бы въ полночь на ложѣ тесовомъ,
«Въ горахъ надъ Днѣпромъ,
«Меня одѣвали вы чернымъ покровомъ,
«И съ синимъ виномъ
«Отраву мѣшали,
«И тѣмъ ядовитымъ виномъ угощали;
«И будто бы жемчугъ колчаномъ пустымъ
«Изъ раковинъ черпали вы чередою,
«И тѣмъ жемчугомъ дорогимъ
«Меня осыпали, смѣясь надо мною.
«И что въ златоверхихъ палатахъ моихъ
«Безъ матицы доски лежали.
«А бѣсовы вороны — дебрей глухихъ —
«Всю ночь, вплоть до утра, у Плѣнска [1] кричали
«На выгонѣ злачныхъ луговъ городскихъ,
«И прочь не летѣли на синее море!»

Увы! одолѣло насъ лютое горе!
(Бояре въ отвѣтъ) —
Два сокола ясныхъ, какъ утренній свѣтъ,
Слетѣли съ отцовскаго трона
И вихремъ помчались на брань,
Что бъ вырвать у половцевъ Тмутаракань,
Иль шлемомъ напиться изъ Дона.

„Уже соколома крилца
„Припѣшали поганыхъ саблями,
„А самаю опустоша
„Въ путины желѣзны.
„Темно бо бѣ въ г҃ день:
„Два солнца помѣркоста,
„Оба багряная стлъпа погасоста,
„И съ нимъ молодая мѣсяца —
„Олегъ и Святъславъ
„Тъмою са поволокоста.
„На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла:
„По Руской земли прострошася Половци,
„Аки пардуже гнѣздо,
„И въ морѣ погрузиста,
„И великое буйство подасть Хиновн.
„Уже снесеся хула на хвалу;
„Уже тресну нужда на волю;
„Уже връжеся дивъ на землю.
„Се бо Готскія красныя дѣвы
„Въспѣша на брезѣ синему морю;
„Звона Рускымъ златомъ,
„Поютъ врема Бусово,
„Лелѣютъ месть Шароканю.
„А мы уже дружина жадни веселія.“

Тогда Великій Святславъ
Изронн злато слово слезами смѣшено,
И рече:
„О, моя сыновця Игорю и Всеволоде!
Рано еста начала
„Половецкую землю мечи цвѣлити,
„А себѣ славы искати.
„Нъ нечестно одолѣсте:

Но крылья могучія ихъ
Враги обрубили стальными мечами,
И въ мрачной тюрьмѣ заключивши самихъ,
Опутали ноги цѣпями.

На третій день утро смѣнилося мглой,
Погасли два солнца подъ ризой ночной,
А съ ними потухли два мѣсяца ясныхъ —
Олегъ съ Святославомъ — два князя прекрасныхъ.
Заря на Каялѣ погасла во мглѣ:
Разсѣялись половцы, будто бы стая
Голодныхъ шакаловъ, по Русской землѣ,
И, дерзость вождя своего поощряя,
Бушующимъ моремъ разлились кругомъ.
Насиліе волю сразило,
А славу въ позоръ обратило;
И филинъ ужъ машетъ крыломъ....

Чу! готскія дѣвы у моря запѣли
Про Буса — бойца своего,
Про месть шароканову [2], время его,
И золотомъ русскимъ звенѣли.
А вѣрной дружинѣ твоей суждено
Лишь, видно, знать горе одно! —

А князь отвѣчалъ имъ такими рѣчами,
Мѣшая слова золотыя съ слезами:
«О Игорь и Всеволодъ — дѣти мои!
«Не впору вы противъ земли отдаленной
«Мечи обнажили свои,
«Гоняясь за славой военной;
«Безславно своихъ побѣдили враговъ, —
«Безславно поганую пролили кровь.

„Не честно бо кровь поганую пролиасте.
„Ваю храбрая сердца
„Въ жестоцемъ харалузѣ скована,
„А въ бъести закалена.
„Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ!
„А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго,
„И многовои брата моего Ярослава,
„Съ Черниговьскими былами,
„Съ Могуты, и съ Татраны, и съ Шельбиры,
„И съ Топчакы, и съ Ревугы, и съ Ольберы.
„Тіи бо бес щитовъ съ засапожникы
„Кликомъ плъкы побѣждаютъ,
„Звонячи въ прадѣднюю славу.

„Нъ рекосте: му жа имѣся сами,
„Преднюю славу сами похитимъ,
„А заднюю са сами подѣлимъ.

„А чи диво са, братіе,
„Стару помолодити?
„Коли соколъ въ мытехъ бываетъ,
„Высоко птицъ възбиваетъ;
„Не дастъ гнѣзда своего въ обиду.

„Нъ се зло Княже ми не пособіе;
„На нинче са годины обратиша.“

Се у Римъ кричатъ
Подъ саблями Половецкыми,
А Володимиръ подъ ранами.
Туга и тоска сыну Глѣбову!

«Изъ стали сердца ваши скованы были,
«А время и мужество ихъ закалили....
«И этого ль могъ ожидать я отъ васъ,
«На старости лѣтъ сѣдиной серебрясь?
«И вотъ ужъ враги полонили
«Одну изъ сильнѣйшихъ моихъ областей!
«Гдѣ братъ мой отважный съ отрядами былей,
«Съ черниговской ратью своей?
«Гдѣ наши могуты, татраны, ревуги,
«Шельбиры, топчаги, ольберы? гдѣ, други,
«Они — побѣждавшіе крикомъ враговъ,
«Съ одними ножами, безъ крѣпкихъ щитовъ,
«Гремѣвшіе дѣдовской славой?

«Но вы говорили: «на подвигъ кровавый
««Одни мы пойдемъ, какъ въ минувшіе дни,
««Прошедшую славу добудемъ одни,
««Одни и грядущей подѣлимся славой!»
«А развѣ нельзя на своемъ на вѣку
«Быть вновь молодымъ старику?
«Когда ясный соколъ линяетъ,
«Онъ птицъ высоко загоняетъ,
«И ужъ никогда
«Въ обиду не дастъ дорогого гнѣзда.
«Теперь и князья мнѣ не помощь — а бремя:
«Такъ все измѣняетъ летучее время!»

Подъ саблями стонетъ безпомощный Римъ [3],
А съ нимъ и Владиміръ [4], болѣзнью томимъ.
Нѣтъ, видно печаль и кручина
Удѣлъ беззащитнаго глѣбова сына!

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ СЕДЬМОЙ.

[1]) Плѣнскъ — нынѣшній Плѣсковъ (въ Галиціи).

[2]) Шарокань или Шаракунъ — извѣстный полководецъ половецкій.

[3]) Ромны.

[4]) Владиміръ Глѣбовичъ Переяславскій, сынъ Глѣба Юрьевича и родной братъ супруги буй-туръ Всеволода—Ольги Глѣбовны.

ПѢСНЬ ОСЬМАЯ.

ВОЗЗВАНІЕ КЪ КНЯЗЬЯМЪ.

..... рыкаютъ,
Акы тѵри ранены
Саблами калеными,
На̀ полѣ незнаемѣ.

Великый Княже Всеволоде!

Не мыслию ти прелетѣти издалеча
Отня злата стола поблюсти?

Ты бо можеши
Волгу веслы раскропити,

А Донъ шеломы выльяти.

Аже бы ты былъ,

То была бы Уага по ногатѣ,
А Кощей по резанѣ.

Ты бо можеши посуху
Живыми шереширы стрѣляти —

Удалыми сыны Глѣбовы.

Ты бый Рюриче и Давыде!

Не ваю ли злачеными шеломы
По крови плаваша?

Великій князь Всеволодъ [1] храбрый!
Зачѣмъ ты не здѣсь? Отчего
Не мчишься грозой на защиту
Престола отца своего?

Ты можешь могучую Волгу
Разбрызгать по злакамъ полей,
И вычерпать Донъ необъятный
Шеломами рати своей.

Когда бъ ты былъ здѣсь—по ногатѣ [2]
Скупать бы мы плѣнныхъ могли,
Платили бъ по мелкой резани
За дѣвъ Половецкой земли.

Отважные глѣбовы дѣти [3]
Живое оружье въ рукахъ:
Ты можешь послать на полòвцевъ
Ихъ, славныхъ въ кровавыхъ бояхъ.

Ты, Рюрикъ [4], отважный и буйный!
И ты, князь Давыдъ молодой!
Не ваши ли шлемы стальные
Забрызганы кровью чужой?

Не вию ли храбрая
Дружина рыкаютъ,
Акы тури ранены
Саблями калеными,
На полѣ незнаемѣ?
Вступита Господина
Въ злата стремень —
За обиду сего времени,
За землю Русскую,
За раны Игоревы,
Буего Святославлуа!

Галичкы Осмомыслѣ Ярославе!
Высоко сѣдиши
На своемъ златокованнѣмъ столѣ.

Подперъ горы Угорскыи
Своими желѣзными плъки,

Заступивъ Королеви путь,

Затвори въ Дунаю ворота,

Меча времены чрезъ облаки,

Суды рядя до Дуная.

Грозы твоя по земламъ текутъ;

Отворяеши Киеву врата;

Стрѣляеши съ отня злата стола

Не ваши ль дружины рыкаютъ
Среди незнакомыхъ полей,
Подобно израненнымъ турамъ
Концами калёныхъ мечей?

Скорѣй въ стремена золотыя
Вступайте — и вихремъ за Донъ!...
За Русскую землю, за раны,
За игоревъ тяжкій полонъ!

А ты Ярославъ[5] знаменитый,
Князь Галицкій — славный умомъ!
Высоко сидишь на престолѣ,
Престолѣ своемъ золотомъ:

Карпатскія горы могучей
Дружиной своей оградилъ;
Кидая бойницы за тучи,
Ты путь королю[6] заступилъ;

Замкнулъ, затворилъ воротами
Дуная широкую пасть,
И, правя суды до Дуная,
Далеко простеръ свою власть.

Молва о дѣлахъ твоихъ славныхъ
Гремитъ по далекимъ землямъ,
И къ Кіеву путь пролагаетъ,
Къ его золотымъ воротамъ.

Высоко сидя на отцовскомъ
Золоченомъ-пышно столѣ,

Слтани за земльми.

Стрѣлай, Господине, Кончака,
Поганого Кощея —
За землю Русскую,
За раны Игоревы,
Буего Святославлича!

А ты буй Романе и Мстиславе!

Храбрая мысль носитъ
Васъ умъ на дѣло.

Высоко плаваеши
На дѣло въ бувстн,
Ако соколъ на вѣтрехъ ширяяся,
Хотя птицю въ буйствѣ одолѣти.

Суть бо у вая желѣзныи папорзи
Подъ шеломы латинскими.
Тѣми тресну земля,
И многи страны Хинова.

Литва, Ятвязи, Деремела и Половцы
Сулици своя повръгоша,
А главы своя поклониша
Подъ тыи мечи харалужныи.

Нъ уже Княже Игорю
Утрпѣ солнцю свѣтъ,
А древо не бологомъ
Листвіе срони:

Стрѣляешь могучихъ салтановъ
За моремъ, въ далекой землѣ.

Направь свои стрѣлы въ Кончака!
Пусть мщенье извѣдаетъ онъ —
За Русскую землю, за раны,
За игоревъ тяжкій полонъ!

И вы, храбрецы удалые,
Романъ [7] и Мстиславъ [8] молодой!
Мечтая о подвигахъ ратныхъ,
Вы смѣло кидаетесь въ бой;

Однажды рѣшившись, отважно
Стремитесь вы къ цѣли своей,
Какъ соколъ, ширяющій въ небѣ,
Чтобъ жертву настигнуть вѣрнѣй;

Затѣмъ, что латинскіе шлемы
И латы на вашихъ плечахъ:
Ужъ многія ханскія земли
Предъ ними распалися въ прахъ.

Ятвяги [9], Литва и полòвцы,
Съ народами сѣверныхъ странъ,
Повергли оружье предъ вами,
Склонились подъ сабли славянъ.

Князья! ужъ померкъ невозвратно
Для Игоря солнечный свѣтъ,
И листья опали съ деревьевъ,
Какъ-будто въ предвѣстіе бѣдъ:

По Рсіи, по Сꙋли
Гради подѣлиша;
А Игорева храбраго
Плъкꙋ не крѣсити.

Донъ ти Княже кличетъ,
И зоветь Князи на побѣдꙋ.
Олговичи храбрыи Князи
Доспѣли на брань.

Инъгварь и Всеволодъ,
И вси три Мстиславичи,
Не хꙋда гнѣзда шестокрилци, —

Непобѣдными жребіи
Собѣ власти расхытисте?
Кое ваши златыи шеломы
И сꙋлицы Ляцкіи и щиты?

Загородите полю ворота
Своими острыми стрѣлами —
За землю Рꙋсскꙋю,
За раны Игоревы,
Бꙋего Святъславлича!

Уже города подѣлили
По Роси-рѣкѣ и Сулѣ;
А Игоря храброй дружинѣ
Спать сномъ непробуднымъ въ землѣ.

Князья, свѣтлый Донъ на побѣду
Зоветъ васъ, вздымая волну!
Отважныя ѻльговы дѣти
Готовы идти на войну.

О Ингварь и Всеволодъ [10] буйный!
И вмѣстѣ три брата лихихъ
Мстиславича, — вы шестокрыльцы
Гнѣзда славныхъ предковъ своихъ!

Вы ваши удѣлы добыли
Не жребіемъ сѣчь роковыхъ:
Къ чему же вамъ польскіе шлемы
Съ мечами и копьями ихъ?

Князья, положите преграду
Набѣгамъ сосѣднихъ племенъ —
За Русскую землю, за раны,
За игоревъ тяжкій полонъ!

ПРИМѢЧАНІЯ

къ пѣсни осьмой.

[1]) Всеволодъ Юрьевичъ — великій князь Владимірскій на Клязьмѣ.

[2]) Ходячая мелкая монета того времени. Въ гривнѣ считалось 20 ногатъ или 50 резанъ, слѣдовательно въ ногатѣ было $2^1/_2$ резаны: ногата на металлы равнялась нынѣшнему полтиннику, а резана—двугривенному.

[3]) Князья Рязанскіе—Романъ, Игорь, Владиміръ, Всеволодъ и Святославъ Глѣбовичи, признававшіе, въ 1180 году, своимъ главою князя Владимірскаго Всеволода.

[4]) Рюрикъ и Давыдъ Ростиславичи — внуки Мстислава Великаго.

[5]) Великій князь Галицкій

[6]) Венгерскому.

[7]) Романъ Мстиславичъ — князь Владимірскій на Волыни.

[8]) Мстиславъ Ярославичъ, сынъ Ярослава Луцкаго и двоюродный братъ Романа.

[9]) Дикіе обитатели Подлѣсья (Подляшья).

[10]) Князья Черниговскіе — *гнѣздо Ольгово.*

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

ВОСПОМИНАНІЕ О МИНУВШЕМЪ.

Всеславъ Князь людемъ судаше,
Княземъ грады радаше,
А самъ въ ночь влъкомъ рыскаше.

Уже бо Сула
Не течетъ сребреными струями
Къ граду Переяславлю,
И Двина болотомъ течетъ
Онымъ грознымъ Полочаномъ,
Подъ кликомъ поганыхъ.

Єдинъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ,

Позвони своими острыми мечи
О шеломы Литовскія;
Притрепа славу дѣду своему Всеславу,

А самъ подъ урълеными щиты
На кровавѣ травѣ
Притрепанъ Литовскыми мечи.

И схоти ю на кровать,
И рекъ:
„Дружину твою, Княже,
„Птиць крилы прюдѣ,
„А звѣри кровь полизаша.“
Не бысь ту брата Брячяслава,

Ни другаго Всеволода;

Ужъ Сула-рѣка къ Переяславлю-городу чистыхъ
Струй не катитъ своихъ, и Двина къ полочанамъ
Мутнымъ болотомъ несется, подъ крикомъ поганыхъ половцевъ.

Только одинъ удалой Изяславъ Васильковичъ[1] въ то время
Въ шлемы литовскіе острымъ мечемъ позвонилъ и, затмивши
Славой дѣла своего отважнаго дѣда Всеслава,
Палъ подъ ударами сабель литовскихъ, прикрытый щитами,
На орошенную кровью траву. И, склоняясь на ложе
Смерти, сказалъ: «дружина! ты спишь и своими крылами
«Птицы тебя осѣнили, а звѣри кровь полизали!»
Не было съ нимъ ни отважнаго брата его Брячеслава,
Ни Всеволода; одинъ, далеко отъ родимаго края,

Єдинъ же изрони жемчюжну душу
Изъ храбра тѣла,
Чресъ злато ожереліє.
Унылы голоси,
Поничє веселіє.
Трубы трубятъ Городеньскіи.
Ярославе,
И вси внуцє Всеславли!
Уже понизить стязи свои,
Вонзить свои мечи вережени;
Уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ.
Вы бо своими крамолами
Начясте наводити поганыя
На землю Рускую,
На жизнь Всеславлю.

Которое бо бѣше насиліє
Отъ земли Половецкыи!

На седьмомъ вѣцѣ Трояни
Връже Всеславъ жребій
О дѣвицю себѣ любу.

Тъй клюками
Подпръся о кони,
И скочи къ граду Кыеву,
И дотчеся стружіемъ
Злата стола Кіевскаго.

Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ
Въ плъночи изъ Бѣла-града,

Обѣсися синѣ мьглѣ,

Выронилъ онъ жемчужную душу изъ храбраго тѣла
Сквозь ожерелье златое. Поникло веселье, замолкли
Пѣсни и трубы въ Городнѣ [2] о смерти его возвѣстили!
Князь Ярославъ и вы, внуки Всеслава! склоните знамена
Долу; вложите въ ножны свои притупленныя сабли:
Вы обезславили дѣдовъ! вы хищникамъ [3] путь проложили
Вашими ссорами въ Русскую землю, на племя Всеслава,
Чтобъ и отъ нихъ претерпѣли мы тоже насилье, какое
Терпятъ у насъ на Руси отъ поганой земли Половецкой.

«Храбрый Всеславъ [4] на седьмомъ трояновомъ вѣкѣ кинулъ
«Жребій о милой его богатырскому сердцу дѣвицѣ [5];
«И, не клюкой подпираясь, а сѣвъ на коня боевого,
«Въ Кіевъ престольный помчался онъ вихремъ степнымъ, и доткнулся
«Древкомъ копья своего до его золотого престола.
«Ночью оставилъ Бѣлъ-городъ и, пользуясь синею мглою,
«Кинулся звѣремъ и скрылся; а утромъ, подвезши стрикусы [6]

Утръ же воззни стрикусы
Отвори врата Нову-граду,
Разшибе славу Ярославу,

Скоуи влъкомъ
До Немиги съ Дудутокъ.

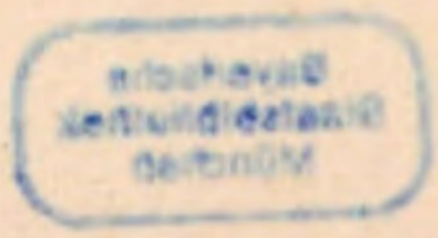
На Немизѣ снопы стелютъ головами,
Молотатъ чепи харалужными,

На тоцѣ животъ кладутъ,
Вѣютъ душу отъ тѣла.
Немизѣ кровави брезѣ
Не бологомъ бахуть посѣяни,
Посѣяни костьми Рускихъ сыновъ.

Всеславъ Князь людемъ судаше,
Княземъ грады рядаше,
А самъ въ ноуь влъкомъ рыскаше;

Изъ Кыева дорискаше
До Куръ Тмуторокана;
Великому хръсови
Влъкомъ путь прерыскаше.
Тому въ Полотскѣ
Позвонниша заутренюю рано
У Святыя Софеи въ колоколы:
А онъ въ Кыевѣ звонъ слыша.

Аще и вѣща душа
Въ друзѣ тѣлѣ,
Нъ часто бѣды страдаше.
Тому вѣщей Боянъ



«Къ старымъ стѣнамъ новгородскимъ, разбилъ ихъ ворота, а съ ними
«И ярославову славу разрушилъ. И снова ужъ мчался
«Волкомъ голоднымъ съ Дудутокъ [7] къ Нѣмигѣ-[8] рѣкѣ многоводной.
«А на Нѣмигѣ-рѣкѣ устилаютъ далекое поле,

«Вмѣсто сноповъ, головами, молотятъ стальными цѣпами,
«Жизнь кладутъ на току и вѣютъ душу изъ тѣла.
«Кровью затопленный берегъ Нѣмиги не жатвой засѣянъ
«Былъ, а тѣлами русскихъ сыновъ. «Князь Всеславъ народу
«Судъ давалъ и рядилъ города; а подъ саваномъ ночи
«Рыскалъ, какъ волкъ. Изъ Кіева кинулся къ Тмутаракани,
«И перерыскалъ волкомъ дорогу великаго Хорса [9].

«Въ Полотскѣ рано ему позвонили къ заутренѣ въ Софьи
«Въ колоколъ звонкій, а онъ тотъ утренній благовѣстъ въ стольномъ
«Кіевѣ слышалъ.

Хотя у другого и вѣщее сердце
Въ тѣлѣ, а также страдаетъ и знаетъ несчастья. Не даромъ

И пръвое припѣвку смысленый рече:
„Ни хытру, ни гораздо,
Ни птицю гораздо
Суда Божіа не минути.“

О, стонати Руской земли,
Помянувше пръвую годину,
И пръвыхъ Князей!

Того стараго Владиміра
Не льзѣ бѣ пригвоздити
Къ горамъ Кіевскимъ:

Сего бо нынѣ сташа
Стязи Рюриковы,
А друзіи Давидовы;
Нъ рози носа
Имъ хоботы пашутъ,
Копіа поютъ на Дунаи.

Вѣщій Боянъ говорилъ, что «ни хитрый, ни умный, ни птица
Быстрая въ небѣ не минутъ суда правосуднаго Бога.»

Какъ не стонать и не плакаться Русской землѣ, вспоминая
Прежнее тяжкое время и прежнихъ князей своеволье!
Старому князю Владиміру [10] вѣчно нельзя было княжить
Въ Кіевѣ стольномъ, въ высокихъ горахъ: и теперь его стяги,
Вмѣстѣ съ наслѣдствомъ доставшися Рюрику съ братомъ Давыдомъ,
Словно волы, запряженные въ плугъ, подъ ярмомъ ненавистнымъ
Никнутъ, межъ-тѣмъ какъ тяжелыя копья свистятъ на Дунаѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ДЕВЯТОЙ.

[1]) Одинъ изъ князей Полоцкихъ, едва ли не сынъ Василька Рогволодовича, о которомъ лѣтописцы упоминаютъ подъ 1132 годомъ.

[2]) Мѣстечко Городно, гдѣ княжилъ Изяславъ Васильковичъ, существуетъ и нынѣ въ Пинскомъ уѣздѣ, Минской губерніи, между рѣками Стыремъ и Горынью.

[3]) Литовцамъ.

[4]) Всеславъ Брячеславичъ, правнукъ Рогнеды.

[5]) Стихотворно—Кіевъ.

[6]) Стѣнобитное орудіе.

[7]) Мѣстечко около Новгорода Великаго.

[8]) Нѣмень.

[9]) Богъ быстроты.

[10]) Мономаху.

ПѢСНЬ ДЕСЯТАЯ.

ПЛАЧЪ ЯРОСЛАВНЫ.

Жаждею имь хоти съпраже,
Тугою имъ тули затуе.

Ярославнинъ гласъ слышитъ:

Зегзицею незнаемь,
Рано кычеть:

„Полечю, рече,
„Зегзицею по Дунаеви;

„Омочю бебранъ рукавъ
„Въ Каалѣ рѣцѣ,

„Утру Князю кровавыя его раны
„На жестоцѣмъ его тѣлѣ.“

Ярославна рано плачетъ
Въ Путивлѣ на забралѣ,

Аркучи:

„О вѣтрѣ! вѣтрило!
„Чему, Господине,
„Насильно вѣеши?

„Чему мычеши
„Хиновьскыя стрѣлкы

Звучный голосъ раздается
Ярославны [1] молодой;
Стономъ горлицы несется
Онъ предъ утренней зарей:

«Я быстрѣй лѣсной голубки
«По Дунаю полечу,
«И рукавъ бобровой шубки
«Я въ Каялѣ обмочу;
«Отъищу его и стану
«Обмывать своей рукой
«Окровавленную рану
«На груди его больной.»

Такъ въ Путивлѣ, изнывая,
На стѣнѣ городовой
Ярославна молодая
Горько плачетъ предъ зарей:

«Вѣтеръ, вѣтеръ перелетный!
«Что ты воешь и свистишь?
«Что ты въ небѣ, беззаботный,
«Тучи черныя клубишь?
«Для чего ты окрыляешь
«Вражьи стрѣлы? для чего

„На своею не трудною крилцю

„На моеѫ лады вон?
„Мало ли ти башетъ
„Горъ подъ облакы вѣати,
„Лелѣюуи корабли на синѣ морѣ?

„Уему, Господине,

„Мое веселіе по ковылю развѣа?“

Ярославна рано плачеть
Путивлю городу на заборолѣ,

Аркуун:

„О, Днепре словутицю!
„Ты пробилъ еси
„Каменныя горы
„Сквозѣ землю Половецкую.

„Ты лелѣалъ еси на себѣ
„Святославли носады
„До плѣку Кобякова:
„Възлелѣй, господине,
„Мою ладу къ мнѣ,
„А быхъ неслала къ нему
„Слезъ на море рано.“

Ярославна рано плачетъ
Въ Путивлѣ на забралѣ,

Аркуун:

«Цѣлой тучей насылаешь
«Ихъ на друга моего?
«Развѣ тѣсно на просторѣ
«Шумно мчаться въ облакахъ?
«Иль рѣзвиться въ синемъ морѣ,
«Въ пышно-вздутыхъ парусахъ?
«Для чего жъ однимъ размахомъ
«Радость лучшую мою
«Ты развѣялъ легкимъ прахомъ
«По степному ковылю?»

Такъ въ Путивлѣ, изнывая,
На стѣнѣ городовой
Ярославна молодая
Горько плачетъ предъ зарей:

«Днѣпръ мой славный! ты волнами
«Горы крѣпкія пробилъ,
«Половецкими землями
«Путь свой дальній проложилъ;
«Ты не разъ своей волною
«Мчала, гордая рѣка,
«Святослава надъ собою
«До улусовъ Кобяка:
«О, когда бъ ты вновь примчала
«Друга къ этимъ берегамъ,
«Чтобы я къ нему не слала
«Слезъ на море по утрамъ!»

Такъ въ Путивлѣ, изнывая,
На стѣнѣ городовой
Ярославна молодая
Горько плачетъ предъ зарей:

„Свѣтлое и тресвѣтлое слънце!

„Всѣмъ тепло и красно еси:

„Чему, господине,
„Простре горячую свою лучю
„На ладѣ вон?

„Въ полѣ безводнѣ
„Жаждею имь лучи съпраже,
„Тугою имъ тули затче.“

«Солнце, солнце золотое!
«Солнце свѣтлое мое!
«Согрѣвая всѣхъ собою,
«Льешь сіяніе свое:
«Для чего же ты сжигаешь
«Войско друга моего?
«Для чего ты ихъ терзаешь
«Въ полѣ жаждой? для чего
«Ты, сіяя, изсушило
«Тетивы на ихъ лукахъ,
«И въ колчаны заложило
«Стрѣлы, страшныя въ бояхъ?»

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ДЕСЯТОЙ.

[1]) Евфросинія Ярославна, дочь князя Ярослава Владимірковича Галицкаго, вторая супруга Игоря—героя поэмы.

Lucky 1853.
Imp. Lith. de Munster.

ПѢСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ.

БѢГСТВО ИГОРЯ.

Князю Игорю не быть!

Прысну море полуноци;
Идутъ сморци мьглами;
Игореви Князю Богъ путь кажетъ
Изъ земли Половецкой
На землю Русскую,
Къ отню злату столу.

Погасоша вечерь зари:
Игорь спитъ,
Игорь будитъ,
Игорь мыслию поля мѣритъ
Отъ великаго Дону
До малаго Донца.
Комонь въ полуноци.
Овлуръ свисну за рѣкою;

Велитъ Князю разумѣти.
Князю Игорю не быть.
Кликну стукну земля;
Въшумѣ трава.
Вежи ся Половецкии подвизашася.
А Игорь Князь

Поскочи горностаемъ къ тростию,
И бѣлымъ гоголемъ на воду;
Въвръжеся на бръзъ комонь,

Въ полночь море взволновалося;
Небо тучами покрылося:
Кажетъ Богъ дорогу Игорю
Изъ неволи въ землю Русскую,
Въ край родной—къ столу отцовскому.

Догорѣла въ отдаленіи
За горой заря вечерняя.
Игорь дремлетъ — Игорь бодрствуетъ:
Игорь мѣритъ птицей-мыслію,
Мѣритъ поле отъ великаго
Дона до Донца родимаго.

Конь готовъ и ждетъ полу̀ночи.
Овлуръ [1] свистнулъ за рѣкой вдали —
Подаетъ вѣсть князю Игорю;
Но князь Игорь не̇ откликнулся.

Крикнулъ — поле всколебалося,
Зашумѣлъ ковыль серебряный,
И палатки половецкія
Потряслися: Игорь доблестный
Горностаемъ проскочилъ тростникъ;
Канулъ въ воду бѣлымъ гоголемъ;
На коня стрѣлою кинулся;
Босымъ волкомъ соскочилъ съ него;

И скоуи съ него босымъ влъкомъ,
И потече къ лугу Донца,

И полетѣ соколомъ подъ мьглами,

Избивая гуси и лебеди
Завтроку, и обѣду и ужинѣ.

Коли Игорь соколомъ полетѣ,
Тогда Влуръ влъкомъ потече,

Труся собою студеную росу:
Претръгоста бо своя бръзая комоня.

Донецъ рече:
„Княже Игорю!
„Не мало ти велиуия,
„А Кончаку нелюбия,
„А Руской земли веселия!“

Игорь рече:
„О, Донче!
„Не мало ти велиуия,

„Лелѣавшу Князя на влънахъ,
„Стлавшу ему зелену траву
„На своихъ сребреныхъ брезѣхъ,

„Одѣвавшу его теплыми мъглами
„Подъ сѣнию зелену древу;

„Стрежаше е гоголемъ на водѣ,
„Уайцами на стругахъ,

Побѣжалъ къ Донцу родимому,
Къ луговому его берегу;
И взвился могучимъ соколомъ,
Убивая подъ туманами
Лебедей и утокъ къ завтраку,
На обѣдъ себѣ и къ ужину.

Когда Игорь взвился соколомъ —
Тогда Влуръ помчался по̀ полю
Сѣрымъ волкомъ, отряхаючи
Съ охобня росу холодную:
Надорвалъ коня дорогою.

Вотъ къ Донцу они приблизились,
И сказалъ онъ князю Игорю:

«Много князь тебѣ величія,
«Хищнымъ половцамъ нелюбія,
«А землѣ родной веселія!»

— О Донецъ! рѣка родимая!
Храбрый Игорь отвѣчалъ ему —
И тебѣ не мало доблести
И величія, что Игоря
Охранялъ ты на волнахъ своихъ,
Стлалъ ему траву зеленую
На брегахъ своихъ серебряныхъ,
Одѣвалъ его туманами
Подъ деревьями зелеными!

— Ты стерегъ его заботливо
Сизымъ гоголемъ межъ во̀лнами,
На водѣ рѣчною чайкою,

„Ѵрьнѧдьми на ветрѣхъ.
„Не тако ли, рече,
„Рѣка Стѹгна хѹдѹ стрѹю имѣѧ,
„Пожръши ѵѹжи рѹчьи,
„И стрѹгы ростре на кѹстѹ?

„Ѵношѹ Кнѧзю Ростиславѹ
„Затвори Днѣпрь темнѣ березѣ.

„Плачетсѧ мати Ростиславѧ
„По ѹноши Кнѧзи Ростиславѣ.
„Ѵныша цвѣты жалобою,

„И древо стѹгою
„Къ земли прѣклонило.“

А не сорокы втроскоташа:

На слѣдѹ Игоревѣ
Ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ.

Тогда врани не граахѹть,
Галици помлъкоша,
Сорокы не троскоташа
Полозію ползоша только,

Дѧтлове тектомъ
Пѹть къ рѣцѣ кажѹтъ,
Соловіи веселыми пѣсьми
Свѣтъ повѣдаютъ.

Млъвитъ Гзакъ Кончакови:
„Аже соколъ къ гнѣздѹ летитъ,

Быстрой чернедью въ поднѐбесьѣ.
Нѣтъ, не такъ, вздымаясь волнами,
Мчится Стугна мелководная!
Поглотивъ ручьи нагорные,
Она струги о кустарники
Раздробила, ненасытная;
И навѣки заградила путь
Къ берегамъ днѣпровскимъ юному
Ростиславу [2]. И заплакала
Мать сѣдая ростиславова
По прекрасномъ князѣ-юношѣ:
На лугахъ цвѣты душистые
Осыпаются отъ жалости,
И деревья, съ тихой грустію,
Надъ землею наклоняются. —

Не сорочье стрекотаніе
Раздается въ отдаленіи:
Это мчатся, вслѣдъ за Игоремъ,
Гзакъ съ Кончакомъ половецкіе.

Стихло, — вòроны не каркали,
Галки хищныя съ сороками,
По вѣтвямъ деревьевъ прыгая,
Также смолкли въ отдаленіи;
Только дятелъ, долбя дерево,
Путь къ Донцу-рѣкѣ указывалъ,
Да вдали, въ густомъ орѣшникѣ,
Соловей веселымъ пѣніемъ
Утро ясное привѣтствовалъ.

И съ Кончакомъ рѣчь заводитъ Гзакъ:
«Если соколъ [2] улетитъ въ гнѣздо,

„Соколича рострѣляевѣ
„Своими злачеными стрѣлами.“

Рече Кончакъ ко Гзѣ:
„Аже соколъ къ гнѣздꙋ летитъ,
„А вѣ соколца
„Опꙋтаевѣ красною дѣвицею.“

И рече Гзакъ къ Кончакови:

„Аще его опꙋтаевѣ
„Красною дѣвицею,
„Ни нама бꙋдетъ сокольца,
„Ни нама красны дѣвице,
„То почнꙋтъ наю птици бити
„Въ полѣ Половецкомъ.“

«Такъ стрѣлами золочѐными
«Соколенка разстрѣляемъ мы».

А Кончакъ ему отвѣтствуетъ:
— Если соколъ улетитъ въ гнѣздо,
Такъ красавицею-дѣвицей
Соколенка мы опутаемъ. —

А Кончаку снова молвитъ Гзакъ:
«Если дѣвицей-красавицей
«Соколенка мы опутаемъ —
«Не видать тогда намъ болѣе
«Ни соколика, ни дѣвицы,
«Нашей дѣвицы-красавицы,
«И начнутъ насъ птицы хищныя
«Бить средь поля половецкаго».

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ОДИННАДЦАТОЙ.

[1]) Овлуръ или Влуръ, какъ называетъ его пѣвецъ Игоря, и Лаверъ или Лавръ, какъ называетъ его лѣтописецъ,—есть имя половчанина, мать котораго была русская, предложившаго Игорю свои услуги.

[2]) Ростиславъ Всеволодовичъ, сынъ Всеволода и Анны, дочериха на Половецкаго, и братъ Владиміра Мономаха. Этотъ молодой князь, послѣ несчастнаго сраженія съ половцами, спасаясь отъ плѣна, бросился въ рѣчку Стугну и, увлеченный тяжелымъ вооруженіемъ, утонулъ. Ему было тогда 22 года.

[3]) Здѣсь ханы говорятъ о Игорѣ (соколѣ) и его сынѣ Владимірѣ (соколичѣ), который въ плѣну женился на красавицѣ половецкой, дочери кончаковой, которая называется здѣсь *красною дѣвицею*.

ПѢСНЬ ДВѢНАДЦАТАЯ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Здрави Князи и дружина!

Рекъ Боанъ и ходы на Сватъславла

Пѣстворца стараго времени Ярославла

Ольгова Когана хоти:

„Тажко ти головы, кромѣ плечю;

Зло ти тѣлу, кромѣ головы!“

Руской земли безъ Игоря.

Солнце свѣтится на небесѣ:
Игорь Князь въ Руской земли.

Дѣвици поютъ на Дунаи.

Вьются голоси
Чрезъ море до Киева.

Игорь ѣдетъ по Боричеву
Къ Святѣй Богородици Пирогощей.

Страны ради,

Вѣдь сказалъ же Боянъ,
Какъ и вѣщій Коганъ,
Пѣснотворецъ временъ Ярослава,
Говорилъ въ старину,
Прославляя войну
И походъ старика Святослава:

«Тяжело на землѣ
Жить безъ плечь головѣ,
И плечамъ безъ головушки буйной!»
А отчизнѣ святой
Безъ руки боевой
Князя Игоря — власти разумной.

Что луна въ небеси,
То нашъ князь на Руси.
На Дунаѣ запѣли дѣвицы,
И летятъ голоса
Чрезъ поля и лѣса
Къ высямъ Кіева, пышной столицы.

Игорь ѣдетъ домой
На Боричевъ [1], къ святой
Пирогощей свой путь направляя.

Гради весели,

Пѣвше пѣснь старымъ Кнѧземъ,

А по томъ молодымъ.

Пѣти слава Игорю Свѧтъславлиѵа,

Бꙋй тꙋрꙋ Всеволодѣ,
Владимірꙋ Игоревиѵꙋ.

Здрави Кнѧзи и дрꙋжина,
Побараѧ за христьѧны
На поганыѧ плъки!

Кнѧземъ слава,
А дрꙋжинѣ Аминь!

Радость мчится, растетъ:
Веселится народъ,
Престарѣлыхъ князей воспѣвая,

А потомъ молодыхъ.
Славитъ въ пѣсняхъ своихъ
Князя Игоря — доблесть ихъ рода,
Славитъ сына его,
И бойца своего —
Прославляетъ буй-туръ Всеволо̀да.

Слава нашимъ князьямъ
И ихъ храбрымъ войскамъ,
Воевавшимъ отважно донынѣ
За всѣхъ насъ христіанъ
Противъ злыхъ басурманъ!
Слава храбрымъ князьямъ и дружинѣ!

ПРИМѢЧАНІЕ

КЪ ПѢСНИ ДВѢНАДЦАТОЙ.

[1]) Такъ назывался въ древнія времена одинъ изъ кіевскихъ спусковъ къ Днѣпру, гдѣ былъ перевозъ. Нынѣ близъ этого спуска стоитъ Михайловскій монастырь.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

I.

Складомъ важнаго сказанья....

Этимъ сочинитель «Слова» хочетъ сказать, что онъ взялся описать своего героя въ томъ духѣ, или такъ, какъ излагались до него всѣ важныя (трудныя) повѣствованія — языкомъ издавна для нихъ установленнымъ, по нашему — поэтическимъ, украшеннымъ. Отсюда можно заключить, что въ отдаленный отъ насъ вѣкъ игоревъ уже была народная литература, и требовалось отъ сочиненія не одного достоинства мыслей, но вмѣстѣ и изящества отдѣлки по тогдашнимъ понятіямъ; и что уже существовали предѣлы между стилями, или аналогія идеи со звукомъ.

Въ переводѣ этого стиха я послѣдовалъ объясненію г. Дубенскаго, который, въ одномъ изъ примѣчаній къ своему переводу «Слова», говоритъ, что «повѣсти, въ которыхъ описывались важныя, или героическія событія, именовались на древней нашей Руси — *трудными.*» Графъ Мусинъ-Пушкинъ назвалъ ихъ — прискорбными повѣстями, Шишковъ — многотрудными, Вельтманъ — высокими, Максимовичь — скорбными, Де ла Рю — воинскими, Головинъ — печальными, Мей — слезными, наконецъ Туловъ — повѣстями о подвигахъ. Остальные переводчики или вовсе не перевели этого выраженія, или перенесли его въ свои переложенія безъ всякаго измѣненія.

II.

И начать разсказъ мнѣ свой
Не по пѣснямъ вдохновеннымъ
Соловья страны родной,
А по былямъ современнымъ.

«Элементъ баснословнаго вымысла (замышленія бояновъ), господствовавшій въ пѣсняхъ *стараго времени*, въ пѣсняхъ *старому Ярославу, храброму Мстиславу и красному Романови*, съ развитіемъ жизни, въ концѣ XII вѣка долженъ былъ уступить въ поэзіи мѣсто элементу исторической положительности (поэзіи по былинамъ сего времени). Кромѣ того, вымыслъ эпическій, столь тѣсно соединенный съ вымысломъ языческой миѳологіи, долженъ былъ исчезнуть въ русской книжной поэзіи скорѣе, нежели во всякой другой, и въ слѣдствіе вліянія Христіанства. Такимъ образомъ очень естественно, что пѣснь нашего эпическаго поэта XII вѣка началась, какъ онъ говоритъ, *по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню*». (Туловъ).

III.

Соловья страны родной....

Такъ пѣвецъ Игоря называетъ Бояна, древнѣйшаго изъ поэтовъ Руси (о Боянє, соловію стараго времени!).

IV.

.....носился *мыслію*-птицей
Онъ по дебрямъ и лѣсамъ.

Пѣвецъ Игоря, восторженный почитатель бояновыхъ пѣснопѣній, сравниваетъ ихъ вольное теченіе то съ бѣгомъ

сѣраго волка по землѣ, то съ ширяньемъ *сизаго орла* подъ облаками, то, наконецъ, съ пареніемъ *мысли* по дереву. Заимствуя первыя два сравненія изъ сказочнаго міра древней Руси, въ которомъ они играютъ такую важную роль (особенно въ южнорусскихъ думахъ и пѣсняхъ), съ чѣмъ еще могъ онъ сравнить дивныя созданія своего любимаго пѣснотворца — *соловья стараго времени*, какъ не съ мыслью человѣка, способною уноситься *превыше тучь ходячихъ*, куда не залетали и сказочные герои древняго міра. Не смотря на то, что мысль подлинника выражена ясно, нѣкоторые переводчики «Слова» находятъ въ этомъ поэтическомъ уподобленіи, одни — пропускъ, а другіе — описку въ словѣ *мысль;* и основываютъ свои догадки на томъ, что пѣвецъ Игоря, взявъ два сравненія изъ царства животныхъ, необходимо долженъ былъ заимствовать оттуда и третье сравненіе. Такъ, напримѣръ, гг. Левитскій и Де ла Рю, предполагая описку, замѣняютъ слово мысль, первый — *птицей*, а второй — *соловьемъ*. Что же касается до г. Вельтмана, то онъ, полагая послѣ слова мыслию — пропускъ, переводитъ это мѣсто такимъ образомъ: «Былое воспѣть, а не вымыслъ Бояна, котораго мысли текли въ вышину, такъ какъ соки по древу». Эти догадки заслуживаютъ быть упомянутыми уже по одному тому, что незабвенный А. С. Пушкинъ также предполагалъ здѣсь описку, и читалъ вмѣсто *мыслію* — *мышію*.

Несмотря на вѣроятность этихъ догадокъ, основанныхъ на доказательствахъ болѣе или менѣе правдоподобныхъ, онѣ опровергаются другимъ мѣстомъ текста «Слова», именно стихомъ: Скаꙗ славию по мысленꙋ древꙋ, въ которомъ та же мысль выражена яснѣе: тамъ онъ растекается мыслію по дереву, а здѣсь — онъ скачетъ соловьемъ по мысленному древу. Сравнивъ оба мѣста, можно вывесть такое заключеніе, что *древо* у пѣвца Игоря означаетъ — *воображеніе*, по вѣтвямъ котораго порхаетъ Боянъ — *соловей стараго времени*.

Такъ какъ цѣль моего перевода есть возможно-близкое воспроизведеніе подлинника, то я и старался не вдаваться въ произвольное толкованіе текста «Слова», въ ущербъ вѣрности перевода, за исключеніемъ нѣсколькихъ темныхъ мѣстъ, вѣроятно искаженныхъ переписчиками, и потому лишенныхъ всякаго смысла.

V.

А когда о несчастливыхъ
Временахъ онъ вспоминалъ:
Десять соколовъ пускалъ
На лебедокъ говорливыхъ,
И лишь соколъ налеталъ,
Лебедь пѣсню начиналъ.

Нѣкоторые изъ гг. переводчиковъ и изслѣдователей «Слова о полку Игоря» переводятъ это мѣсто не буквально, какъ слѣдуетъ его понимать, а иносказательно; именно полагаютъ, что въ древности былъ обычай пускать десять соколовъ на стадо лебедей. Одни утверждаютъ, что князья пускали своихъ соколовъ, и чей соколъ прежде долеталъ до лебедей, тому и пѣли хвалебную пѣснь; другіе же полагаютъ, что ихъ пускали пѣвцы, и чей соколъ долеталъ прежде до лебединаго стада, тотъ имѣлъ право воспѣвать князей; хотя въ подлинникѣ ничего не говорится объ этой забавѣ. Право нестоитъ ломать головы, переставлать слова и относить ихъ къ предъидущимъ или послѣдующимъ періодамъ, чтобы ясно выраженной мысли дать желаемое значеніе. По моему мнѣнію — это фигура, или, лучше, поэтическое уподобленіе, какихъ весьма много въ «Словѣ», и которыя, несмотря на то, большею частію изслѣдователей переведены слово въ слово. Сочинитель здѣсь говоритъ объ одномъ Боянѣ, который, при воспоминаніи о прежнихъ междоусо-

біяхъ, пускалъ десять соколовъ на стадо лебедей, и самъ объясняетъ свою аллегорію:

Не на стадо лебедей
Дней минувшихъ соловей
Десять соколовъ пускаетъ, —
Онъ перстами пробѣгаетъ
По рокочущимъ струнамъ,
И онѣ ужъ возглашаютъ
Славу доблестнымъ князьямъ.

Быть-можетъ скажутъ, что тутъ мысль несовсѣмъ ясно выражена! Но отъ чего же въ другихъ мѣстахъ «Слова» такія же точно фигуры и выраженныя такъ же точно — переведены буквально? Неужели уподобленіе *обиды* — фантастической дѣвѣ выражено яснѣе? или фраза: розн носа имъ хоботы пашютъ — болѣе походитъ на уподобленіе? Я перевелъ это мѣсто буквально, потому-что, какъ уже сказалъ выше, мысль здѣсь ясна, и не требуетъ комментарій.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

I.

Князь Игорь взглянулъ на дневное свѣтило,
И видѣ, что вмѣсто лучей,
Полки его мглою оно осѣнило....

Здѣсь говорится о солнечномъ затмѣніи, бывшемъ 1-го мая 1185 года, въ день св. пророка Іереміи.

II.

.....мчась по слѣдамъ
Героя *Трояна*...

Пѣвецъ «Слова» четыре раза упоминаетъ о Троянѣ, именно: во второй пѣсни о *тропѣ* (дорогѣ) *трояновой*, въ четвертой и девятой — о *вѣкѣ трояновомъ*, и, наконецъ, въ шестой — о *землѣ трояновой;* но кого онъ разумѣлъ подъ этимъ именемъ: императора ли Трояна, какъ думаютъ одни, или Владиміра Святаго, какъ предполагаютъ другіе, или, наконецъ, мѣстечко Трояны (Смоленской губ.), какъ объясняютъ третьи, рѣшить трудно.

Тропа трояня въ буквальномъ переводѣ значитъ — дорога троянова (via Trojani). Хотя дорога эта, какъ извѣстно изъ исторіи и сульцеровой карты Валахіи, дѣйствительно шла отъ береговъ Дуная до рѣки Прута и далѣе на востокъ по Южной Россіи, и даже низовая сторона Дуная, отъ рѣки Прута, называлась: provincia Trojani, а остатки такъ называемаго троянова вала еще до сихъ поръ существуютъ въ Бесарабіи, — однако все это еще не можетъ служить неоспоримымъ доказательствомъ того, что пѣвецъ Игоря подъ словомъ Троянъ разумѣлъ Римскаго императора. Основательнѣе другихъ предположеніе покойнаго Полевого, что «Троянъ здѣсь не Римскій императоръ, а что-нибудь такое, чему надо искать объясненій на Руси: такъ Владиміръ Первый названъ Трояномъ въ одномъ чешскомъ памятникѣ». Къ сожалѣнію Полевой не упомянулъ о названіи этого памятника.

III.

Князь Игорь лишь брата *буй-туръ* Всеволода,
Имъ нѣжно любимаго, ждетъ.

Буй-туръ или *яръ-туръ*, какъ сказано въ «Словѣ», собственно — дикій быкъ или буйволъ (urus, bubalus). Нынѣ эта кра-

сивая и весьма рѣдкая порода называется — зубрами, и водится въ одной Бѣловѣжской пущѣ (Гродненской губерніи). Здѣсь пѣвецъ Игоря уподобляетъ храбрѣйшаго изъ князей того времени — красивѣйшему и сильнѣйшему изъ животныхъ, то-есть, иносказательно, называетъ его богатыремъ и героемъ.

IV.

.....*сова* завываетъ
Подъ сѣнью древесныхъ вѣтвей.

Въ подлинникѣ сказано Дивъ кличетъ врьхꙋ древа. Что такое должно разумѣть подъ словомъ *дивъ* — положительно сказать трудно; тѣмъ болѣе, что объясненія этого слова большей части его толкователей сбивчивы, разногласны, и почти всѣ ограничиваются одними догадками, часто ничего не доказывающими. Первые издатели «Слова» полагали, что *дивъ* значитъ — *пугало*, *слѣпо-воронъ*, или *ночной воронъ*, что весьма правдоподобно. Но г. Максимовичь опровергаетъ это мнѣніе, и называетъ дива — духомъ тьмы, основываясь на томъ, что воображеніе персіанъ населило свою преисподнюю дꙋхами того же имени. Еще мудренѣе переводятъ это слово новѣйшіе переводчики. Такъ, напримѣръ, г. Минаевъ, въ своемъ стихотворномъ переложеніи «Слова», изданномъ имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, сдѣлалъ изъ дива — *лѣшаго*, «котораго біографію, по его словамъ, волна исторіи такъ хорошо донесла до нашихъ временъ, затопя почти всѣхъ боговъ славянской миѳологіи».

Удачнѣе другихъ объясняетъ это слово докторъ Гай изъ Загреба (Аграма). Онъ утверждаетъ, что дивъ есть зловѣщая птица, въ доказательство чего приводитъ то, что почти у всѣхъ племенъ Западныхъ славянъ дивомъ называется — удодъ, крикъ котораго у Дунайскихъ славянъ, подобно крику совы, или карканью ворона, считается дурнымъ предзнаменованіемъ.

V.

Кормилица Русь! уже ты за *курганомъ!*

Г. Бутковъ, основываясь на топографическомъ изслѣдованіи похода Игоря, принимаетъ слово *шеломя* за Изюмскій курганъ (возлѣ котораго, какъ извѣстно, русскіе переправились черезъ Донецъ), что весьма правдоподобно. Пѣвецъ «Слова», какъ будто съ удивленіемъ, или ужасомъ говоритъ, что Русская земля, или русская сила за высокимъ курганомъ, далеко въ степяхъ половецкихъ, у Дона, близь лукоморья, и что ей остается только побѣдить или умереть.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

I.

.....багряная чолка....

Вѣроятно то же, что турецкій бунчукъ, то есть — знамя съ навязанными на немъ конскими волосами, потому-что у насъ и теперь часть конской гривы называютъ чолкою.

II.

Черныя тучи идутъ съ отдаленнаго моря, стараясь
Тѣнью своею закрыть четыре блестящія солнца.

«Для пѣвца Игорева вещественный неодушевленный міръ— образъ міра духовнаго: *черныя тучи* — половцы, *четыре солнца* — четыре князя дружины игоревой , т. е. самъ онъ, братъ его Всеволодъ Трубчевскій, ихъ племянникъ Святославъ Ольговичъ Рыльскій и Владиміръ Путивльскій, сынъ Игоря». (Дубенскій).

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Прошли *трояновы вѣка....*

См. выше: пѣснь II, примѣч. II.

II.

.....князь Владиміръ, сидя дома,
Чтобъ не слыхать тѣхъ браней грома,
Съ разсвѣтомъ уши затыкалъ.

То есть: любилъ миръ, не участвовалъ въ раздорахъ.

III.

И Святополкъ нашъ съ той же самой
Каялы бурной и упрямой
Велѣлъ отца священный прахъ
Поднять на угорскихъ коняхъ
Къ стѣнамъ софіевскаго храма.

«Ежели принять, что опечатка только въ словѣ *я*, вмѣсто *ятъ*, или *яти* (взять): т. е. Святополкъ повелѣлъ (Ярополку) взять тѣло, — допустить, что *Каяла* здѣсь значитъ *половцы*, приведенные Олегомъ изъ Тмутараканя къ Чернигову, то подъ словомъ *отца* можно разумѣть Изяслава I, великаго князя, убитаго на сраженіи у села Нѣжатина, и тутъ будетъ историческая достовѣрность». (Дубенскій).

IV.

И погибала жизнь людей —
Внучатъ могучаго *Даждь-бога*....

Этимъ именемъ назывался куміръ, боготворимый нѣкогда въ Кіевѣ. По мнѣнію графа Мусина-Пушкина, «пользовавшіеся благоденствіемъ, какъ даромъ даждь-божіевымъ, назывались его внуками».

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

I.

Возстаетъ *обида* кровная....

Г. Пожарскій полагаетъ, что *обида* уподоблена здѣсь языческой богинѣ Дѣваннѣ или Діанѣ — божеству тавровъ, древнихъ обитателей Крыма. По мнѣнію же г. Максимовича эта «*дѣва-обида* напоминаетъ литовскую *дѣву-чуму*, которая огневымъ платомъ навѣваетъ смерть заразы на землю». Оба эти предположенія ошибочны. Объясненія нѣкоторыхъ загадочныхъ для насъ словъ, встрѣчающихся въ этой поэмѣ, должно скорѣе искать между племенами славянскими, а не въ Литвѣ или Тавридѣ. По этому мысль г. Дубенскаго, что «не лучше ли подразумѣвать здѣсь *дѣвъ судныхъ*, какъ въ Судѣ Любуши», — гораздо правдоподобнѣе.

II.

На черту *земли трояновой*....

См. выше: пѣснь II, примѣч. II.

III.

«Возстаетъ обида кровная
«И надъ внуками даждь-божьими
«Разражается несчастьями;
«Неземной вступивши дѣвою
«На черту земли трояновой,
«Она громко, громко крыльями
«Заплескала лебедиными
«На Дону, у моря синяго:
«Пробудила время тяжкое!

Это мѣсто, отмѣченное мною ковычками, подобно многимъ другимъ, встрѣчающимся въ «Словѣ», вѣроятно заимствовано пѣвцомъ Игоря у Бояна, вдохновенною музою котораго, какъ кажется, онъ одушевлялся съ начала до конца въ своей пѣсни; и даже, какъ думаетъ г. Дубенскій, заимствовалъ у него нѣкоторые обороты и припѣвы, а можетъ-быть и выраженія: *тропа, вѣчи, земля трояня* и другія, которыхъ смыслъ для насъ сбивчивъ и загадоченъ.

IV.

Собирали дань постыдную —
По одной по бѣлкѣ съ каждаго.

Половцы, полагая дань съ двора, вѣроятно брали шкурами бѣлокъ, какъ и нынѣ собирается дань съ кочующихъ народовъ Сибири куницами, бѣлками, соболями. Хотя въ то время, кромѣ иностранныхъ монетъ, были и русскія деньги въ обращеніи, но ихъ такъ было мало, что въ торговлѣ замѣняли ихъ шкурами дорогихъ звѣрей.

V.

.....родитель ихъ
Святославъ Великій, Кіевскій.

Здѣсь великій князь Святославъ названъ отцомъ Игоря и Всеволода — по старшинству, хотя, собственно, онъ былъ ихъ двоюроднымъ братомъ.

VI.

Изъ сѣдла раззолоченаго
Пересѣлъ въ сѣдло *полонника.*

То-есть — Кощеко, какъ сказано въ подлинникѣ. Кощеями же назывались плѣнники, невольники половецкіе, печенѣжскіе, козарскіе, литовскіе и другіе, что свидѣтельствуется лѣтописями. Слѣдовательно фраза: высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло Кощеко, значитъ — стать изъ князя плѣнникомъ, а не пересѣсть

«.....въ сѣдло
Простаго оружника,
Чтобъ въ полѣ неузнаннымъ
Отдаться на жеребій!

какъ перевелъ г. Минаевъ.

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

I.

Чу! *готскія дѣвы* у моря запѣли....

Готы еще въ III вѣкѣ поселились въ Тавридѣ и были, около 1050 года, покорены половцами. Послѣ этого понятно, по-

чему побѣда, одержанная половцами, могла доставить готскимъ дѣвамъ русское золото.

II.

Про *Буса* — бойца своего....

«Не назывался ли *Бусомъ* въ простонародіи *Болушъ*, ханъ Половецкій, подъ предводительствомъ котораго, въ 1055 году, половцы входили первый разъ въ область Переяславскую?» (Дубенскій).

III.

Гдѣ братъ мой отважный съ отрядами *былей*?

Черниговскіе были, какъ сказано въ «Словѣ», вѣроятно то же, что у лѣтописцевъ — *ковуи черниговскіе*. Ковуями же, какъ извѣстно, назывались наемныя дружины торковъ и берендѣевъ, служившихъ Черниговскимъ и другимъ князьямъ, и составлявшія особые отряды.

IV.

Гдѣ наши *могуты, татраны, ревуги,*
Шельбиры, топчаги, ольберы?...

Вѣроятно особые отряды войскъ, названные по именамъ вождей, ими начальствовавшихъ. Такъ, напримѣръ, дружины торковъ и берендѣевъ назывались иногда по именамъ ихъ хановъ. То же что у лѣтописцевъ: ковуи черниговскіе, бастьева чадь, каепичи и проч.

ПѢСНЬ ОСЬМАЯ.

I.

Замкнулъ, затворилъ воротами
Дуная широкую пасть.

«Галицкіе князья владѣли странами отъ горъ Карпатскихъ до устьевъ Серета и Прута; могло статься, что пѣвецъ Игоревъ стихотворно назвалъ ихъ, или пространство между ими по Дунаю, воротами». (Дубенскій).

II.

И, правя суды до Дуная,
Далеко простеръ свою власть.

«Ярославъ вооружался единственно на обидящихъ и посылалъ рать съ боярами, думая, что дѣла гражданскія еще важнѣе воинскихъ для государя.... Союзникъ Греческаго императора Мануила, покровитель изгнаннаго Андронника, Ярославъ считался однимъ изъ знаменитѣйшихъ государей своего времени, хвалимый въ лѣтописяхъ вообще за мудрость и сильное, убѣдительное краснорѣчіе въ совѣтахъ, по коему россіяне прозвали его Осьмомысломъ». (Ист. Гос. Росс. Карамз. т. III. изд. VI. стр. 75.)

III.

.....*шестокрыльцы*
Гнѣзда славныхъ предковъ своихъ.

Сравнивши младшій домъ мстиславовъ съ гнѣздомъ, котораго представителями въ вѣкъ игоревъ были — Ингварь, Всеволодъ и Мстиславъ, авторъ полагалъ, что у трехъ этихъ птен-

цовъ, потомковъ Мстислава Великаго, тогда будетъ шесть крылъ. (Мнѣніе Карамзина).

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

I.

Ужъ Сула-рѣка къ Переяславлю городу чистыхъ
Струй не катитъ своихъ....

Здѣсь авторъ говоритъ, что Сула не принадлежитъ болѣе къ Переяславской области, гдѣ княжилъ Владиміръ Глѣбовичъ, отразившій половцевъ отъ Переяславля, при чемъ былъ раненъ и не могъ подать помощи жителямъ города Римъ (Роменъ), къ стѣнамъ котораго течетъ Сула.

II.

.....вы хищникамъ путь проложили
Вашими ссорами въ Русскую землю, на *племя Всеслава.*

То-есть на Полоцкое княжество.

III.

Храбрый Всеславъ на седьмомъ *трояновомъ вѣкѣ* кинулъ
Жребій....

См. выше: пѣснь II, примѣч. II.

IV.

«Храбрый Всеславъ на седьмомъ трояновомъ вѣкѣ кинулъ
«Жребій о милой его богатырскому сердцу дѣвицѣ;
«И, не клюкой подпираясь, а сѣвъ на коня боевого,
«Въ Кіевъ престольный помчался онъ вихремъ степнымъ, и доткнулся
«Древкомъ копья своего до его золотого престола.
«Ночью оставилъ Бѣлъ-городъ и, пользуясь синею мглою,
«Кинулся звѣремъ и скрылся; а утромъ, подвезши стрикусы
«Къ старымъ стѣнамъ новгородскимъ, разбилъ ихъ ворота, а съ ними
«И ярославову славу разрушилъ. И снова ужъ мчался
«Волкомъ голоднымъ съ Дудутокъ къ Нѣмигѣ-рѣкѣ многоводной.
«А на Нѣмигѣ-рѣкѣ устилаютъ далекое поле,
«Вмѣсто сноповъ, головами, молотятъ стальными цѣпами,
«Жизнь кладутъ на току и вѣютъ душу изъ тѣла.
«Кровью затопленный берегъ ѣмиги не жатвой засѣянъ
«Былъ, а тѣлами русскихъ сыновъ. Князь Всеславъ народу
«Судъ давалъ и рядилъ города; а подъ саваномъ ночи

«Рыскалъ, какъ волкъ. Изъ Кіева кинулся къ Тмутаракани,
«И перерыскалъ волкомъ дорогу великаго Хорса.
«Въ Полотскѣ рано ему позвонили къ заутренѣ въ Софьи
«Въ колоколъ звонкій, а онъ тотъ утренній благовѣстъ въ стольномъ
«Кіевѣ слышалъ.

См. выше: пѣснь VI, примѣч. II.

V.

.....теперь его (*) стяги,
Вмѣстѣ съ наслѣдствомъ доставшися Рюрику съ братомъ Давыдомъ,
Словно волы, запряженные въ плугъ, подъ ярмомъ ненавистнымъ
Никнутъ....

.....рози носа имъ хоботы пашютъ, какъ сказано въ подлинникѣ, есть одно изъ самыхъ темныхъ мѣстъ въ поэмѣ, вѣроятно искаженное переписчиками. Напрасно ученые изслѣдователи «Слова» ломали голову надъ этою загадочною фразою и разбирали ее по буквамъ, силясь разъяснить таинственный смыслъ подлинника. Увы, тайна осталась тайною, хотя гг. переводчики и представили цѣлую дюжину толкованій этого мѣста, доставившихъ большое удовольствіе ихъ авторамъ, но не подвинувшихъ вопроса ни на волосъ впередъ. Чтобы показать

(*) Владиміра.

всю разнообразную игривость этихъ переводовъ, выказавшихъ необыкновенную силу творчества ихъ авторовъ, выписываю нѣкоторые изъ нихъ:

Переводъ Шишкова:

«Знамена Владиміровы достались Рюрику и Давыду, которые, *нося ихъ на рогахъ, землю вспахиваютъ*».

Переводъ Пожарскаго:

«Нынѣ стали знамена Рюриковы, а другія Давыдовы; но сіи, *сдѣлавшись могущими въ сапогахъ землю пашутъ*».

Переводъ Грамматина:

«Нынѣ знамена его (Владиміра) стали одни Рюриковы, а другія Давидовы; но *враги ихъ, впряженные въ плугъ, вмѣсто воловъ, пашутъ на нихъ*».

Переводъ Максимовича:

«Знамена его (Владиміра) уже стали Рюриковы, другія Давидовы, — *но рога нося имъ пашутъ хвосты*».

Переводъ Дубенскаго:

«Знамена его (Владиміра) достались одни Рюрику, а другія Давиду; но *когда и они носятъ трубы* (военныя), *то знамена развѣваются*».

Будучи недоволенъ всѣми этими переводами, еще болѣе затемнившими смыслъ подлинника, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опасаясь дать волю своей фантазіи, чтобы не зайти еще далѣе, я рѣшился отказатся отъ удовольствія пояснить это мѣсто по своему, въ надеждѣ найти хотя сколько нибудь удовлетворительное истолкованіе помянутаго мѣста въ одномъ изъ стихотворныхъ

переложеній «Слова», блистающихъ яркими красками фантазіи. И не ошибся. Перебравъ бывшія у меня подъ рукой изданія, я остановился на переводѣ г. Минаева, который и помогъ мнѣ уяснить это темное мѣсто подлинника.

ПѢСНЬ ДВѢНАДЦАТАЯ.

I.

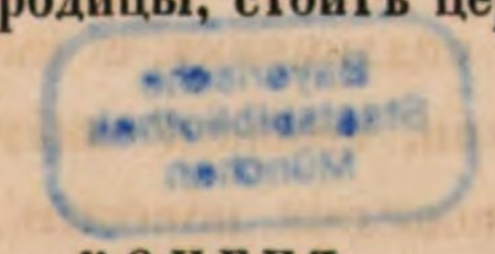
Вѣдь сказалъ же Боянъ,
Какъ и вѣщій *Коганъ*,
Пѣснотворецъ временъ Ярослава,
Говорилъ въ старину....

Судя по смыслу этого мѣста, Коганъ былъ пѣвецъ временъ Ярослава, и, подобно Бояну, пользовался въ свое время извѣстностью. (Мнѣніе Полевого).

II.

.....къ святой
Пирогощей свой путь направляя....

Такъ называлась церковь во имя св. Богородицы *Пирогощей* въ Кіевѣ (заложенная Мстиславомъ Великимъ, въ 1131 году), по образу Богоматери, привезенному купцомъ Пирогощею изъ Константинополя. Нынѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ находился храмъ Пирогощей Богородицы, стоитъ церковь Трехъ Святителей.



КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Предисловіе	7
Пѣснь 1-я. Запѣвъ	31
Пѣснь 2-я. Вѣщее затмѣніе	37
Пѣснь 3-я. Побѣда	47
Пѣснь 4-я. Воспоминаніе пѣвца объ усобицахъ	55
Пѣснь 5-я. Пораженіе	61
Пѣснь 6-я. Плачъ пѣвца	67
Пѣснь 7-я. Сонъ Святослава	75
Пѣснь 8-я. Воззваніе къ князьямъ	83
Пѣснь 9-я. Воспоминаніе о минувшемъ	93
Пѣснь 10-я. Плачъ Ярославны	103
Пѣснь 11-я. Бѣгство Игоря	111
Пѣснь 12-я. Возвращеніе	121
Примѣчанія	127

Bayerische Staatsbibliothek München

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Gerbel, Nikolaj Vasilevič, 1827-1883

Igor', knjaz sěverskij poėma

S. Peterburg 1854

4 P.o.russ. 11 c
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10530349-7